

ПРЕДНАЗНАЧЕН
В ПАЛЛАЧИ

ТРОТИЛОВЫЙ ЭКВИВАЛЕНТ

ОДЖУРКО

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Олег Джурко

**Тропиловый эквивалент
возмездия-1. Предназначен
в палачи. Боевик**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Джурко О.

Троиловый эквивалент возмездия-1. Предназначен в палачи.
Боевик / О. Джурко — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Пьяный сержант Коробейников совершил непреднамеренное убийство. Уголовники помогли простаку отмазаться и крепко повязали. Но бандитом крутой парень не стал. Немало он наказал смертью негодяев, прежде чем появилась надежда навсегда вырваться из-под власти пахана банды, по-крупному торгующей оружием и боеприпасами. Фото и оформление обложки автора О. Джурко. Содержит нецензурную брань.

Нет, это не сон. Такое не может присниться...

Первый выстрел через подушку никто не расслышал. У Ариадны Грибалевой из жилищной шеи ударил фонтанчик крови. На голубой наволочке подушки кровь мгновенно становилась черной. Ариадна проснулась. Выкатила удивленно маленькие голубые глазки, забормотала что-то несвязное. Она попыталась приподняться на грязных смятых простынях...

Вторая пуля из табельного ПМ, выпущенная почти в упор, расколола ее головку на три части. Как фарфоровую чашку. Серый студень парного мозга выплеснулся на желто-зеленые обои и стал медленно стекать соплями на прикроватный туалетный столик. Третья пуля из дрогнувшей руки майора Заболотникова прошла по флаконам и баночкам, сметая парфюмерию на ковер.

Майор Заболотников внимательно оглядел спальню. Его трезвый прощальный взгляд задержался на собственной цветной фотографии, уцелевшей на туалетном столике жены. На нем еще лейтенантские погоны. Сфотографировался в спортзале военного училища, за час до начала выпускного бала.

Как быстро и бездарно пролетели годы между тем щелчком фотоаппарата и последним выстрелом сегодня. Третья пуля подвела итоги. Они были неутешительны. Перед тем как вышка будет приведена в исполнение, боевого майора Заболотникова еще потерзает окружной военный прокурор...

Еще достаточно было патронов, чтобы свести счеты с незадавшейся жизнью, но мысль о самоубийстве была так коротка, проскочила у здоровяка майора так стремительно, словно ее и не было вовсе.

В гостиной вырубил магнитофон, оравший про "два Ку-со-че-ка колбаски". Заболотников обернулся...

– И ты здесь, сучка рваная!

Не целясь, он выстрелил в призрачную фигуру голой чужой женщины, выплывшей из его собственной спальни. Пуля вошла меж отвислых грудей, искусанных до синяков. Вычеркнутая из жизни, но не ставшая более реальной фигура сделала подбородком глотательное движение и навзничь грянулась на застекленный книжный шкаф... Заболотников потер висок. И все стало на место. Перед ним скрючилась Марианна, жена капитана Сыроежкина, месяц тому назад командированного на Байконур.

Четвертый выстрел, звон разбитых створок книжного шкафа выбросил в реальность и остальных перепившихся участников оргии, так подлю учиненной в собственной квартире майора Заболотникова. Сиреной завизжала третья женщина. Она голяком бросилась из гостиной в прихожую, к двери, распахнутой на лестничную клетку.

Это была Вика, толстуха старшего лейтенанта Жигарева, сгоревшего в бронетранспортере три года назад.

Майор снова поднял руку на уровень глаз, повел ствол следом за бежавшей. Он не целился... Пятая пуля вошла Виктории в затылок. На выходе пятая пуля вырвала Вике лицо. Женщина выпала ничком на лестничную площадку и мгновенно стала подплывать густой кровью.

Заболотников рванул ручку дверей гостиной. Прапорщик Стебельков, старший кладовщик со склада боеприпасов, натягивая на ходу халат Заболотникова ломанулся на балкон.

– Муда! Пятый этаж! Куда ты денешься! – Заболотников заржал.

Он выстрелил прапору под ноги и тот замер в балконных дверях как бетонное изваяние. От седьмого выстрела Стебельков подпрыгнул на месте и поджал левую ногу. Пьян, пьян а не качнулся... И остальные выстрелы заставили скакать прапора с ноги на ногу.

Потешался Заболотников пока не кончились патроны. Досадую, что увлекся потехой и оставил Стебелькова в живых, Заболотников швырнул разогревшийся пистолет в окно и, закуривая на ходу, поспешил на КПП.

С балкона Стебельков поспешил напрямиком в туалет. Сходу оседлав унитаза, с грохотом опорожняясь, прапорщик не обращал внимания на облеванного сержанта Александра Коробейникова, зубной щеткой смывавшего с раковины кровь и блевотину...

Опроставшись, Стебельков оттолкнул от раковины голого Коробейникова, шумно отдуваясь сунул голову под струю холодной воды. Зубы его лязгали от страха. Он сучил волосатыми ногами, снова испытывая неукротимые истерические позывы к мочеиспусканию.

Когда унялся озноб страха, Стебельков машинально спросил Коробейникова.

– Ты чо тут гужуешься?

– А зачем Валера полез к Ариадне... – Не открывая глаз, Коробейников рыгнул и сплюнул зеленую жижу под ноги прапорщику.

– Ты чо, совсем офонарел! – Стебельков вмазал Коробейникову леща.

Александр балансировал на краю ванны и безуспешно старался закинуть ногу на ногу. На пощечину он не обратил внимания. Пользуясь безнаказанностью, прапор еще разок хлестнул сержанта. Сержант, наконец, сообразил, что его молотят на халяву и предпринял безуспешную попытку дотянуться до горла Стебелькова...

– А эт кто? – Подозрительно прищурился прапор, показывая на торчащие из ванны ноги.

– Блин, говорят тебе он щупал Арочку за мохнатку. А я не спал! Н-н-нет! Я все видел.

– Вода-то красная! Ты чо, молокосос? Крыша поехала!? – Стебельков выдернул затычку ванны. Красная вода алчно заклокотала в жерле канализационной трубы. Показался нос...

– Ты грохнул Валеру, – завопил Стебельков... Поспешно заткнул пробку. Он боялся, что мертвец появится из воды во всей своей очевидности, он еще надеялся что-то скрыть...

Стебельков запер дверь квартиры на все три замка. Он сунул голову смурного Сашки в кровавую воду. Он держал ее там, пока Коробейников не стал захлебываться. Выхватил его голову из воды, дал вздохнуть и снова погрузил.

– Гнида, что ты наделал! Что ты наделал!

Стебельков окунал Коробейникова до тех пор, пока тот не очухался достаточно для того, чтобы воспринимать слова прапорщика.

– Хана тебе, гаденыш! И ты пойдешь с майором под вышак!

Стебельков снова выдернул пробку, кровавая вода снова заклокотала...

– А где морда евонная? – Тупо задавал вопросы Стебельков.

Лица на голове Валеры не было. Вот показалось из красных помоев квадратное основание ярко начищенного бронзового подсвечника.

– Так вот ты чем, Коробейников, сплющил торец Валеры...

– Я? – Удивился Коробейников. – Я ничего не помню. Товарищ прапорщик, – сука буду – я вырубился. Помню мы трахались. Ну трахались, а что еще? Трахались, Потом я вырубился. Потом пришел Валера и стал сосать титьки Арочки... А разрешения он у меня спросил? И все...

Стебельков не задавал более дурацких вопросов. Наморща страдальчески низкий лоб лошадиной головы, прапор сосредоточенно что-то замысливал. Мыслей у него роилось невпроворот много. Но сейчас перекрученные ужасом это были такие дебилские мысли, что в голове прапора образовалась мешанина. Он вслушивался в бредовый лепет трезвеющего салаги-первогодка, словно пытался выудить их этой ахиной какую-то зацепку, для своих мыслей.

Наконец, прапорщик стал хлестать себя по щекам и фыркать, приводя мешанину мыслей в порядок. Он что-то надумал.

– Так! Слухай сюда, хлопец! Кончай косить под наивняка. Я тебя закладывать не буду! Свалим все на майора. Ништяк? Врубаешься?

Только теперь до Коробейникова дошло, что он такое из пьяной ревности учудил на хате своей чувихи. Кровь или моча то были, но в голову словно заехали обухом. башка загудела от полноценного страха...

Всего один привод был у него в прошлом. В юношеские годы после драки на дискотеке по пьяной лавочке с кем этого не бывает... Только однажды он повалился пару суток на шконке кичмана... Только однажды, разбуженный шуршанием тараканов, при свете спички посмотрел он как эти всеядные черные твари копошатся на корявой роже спящего рядом зека-наркомана... Только однажды, но этих впечатлений, хватит на всю оставшуюся жизнь. И вот нате вам! Опять загремел, да еще с перебором! Под самую, под вышку!

Чуть в ноги бывалому прапору не бросился сержант срочной службы Александр Коробейников. У необстрелянного салажонка даже в носу защипало от благодарственных слез.

– Запоминай, щенок, что скажу! И тверди на допросах только одно! Бить будут, убивать будут – не отступайся от своего! Так и базарь: майор Заболотников ворвался в квартиру и стал крушить что ни попадя! Мы полезли утихомирить майора, а тот стал биться с нами! Валеру оприходовал подсвечником по крыше, а девок пошмалял на х-й!! Всех до одной! Зарубил?

– А то! – жалко усмехнулся Александр, заметно окрепнув духом от такой квалифицированной помощи. То же самое глаголили и урки в кичмане перед тем как идти Александру на первый в своей жизни допрос дознавателя.

– А теперь быстро одеваемся и рвем когти! Уходим как брызги – в рассыпную! Я побегу у Катьки в поселке перекантуюсь до завтра. Мне нельзя из военного городка скрываться надолго, не хочу работу потерять. А тебе лучше слинять на пару дней с гарнизона воще. Нельзя попадать операм под горячую руку, могут и харю искровянить. Пусть и прокурор остынет, да и улики затопчут.

– А нас никто не видел. Может, и так все сойдет с рук?

– Исключено, хлопец! Наши бабы – любого вычислят лучше чем особисты. Я удивляюсь, как это твоя Арочка решилась пьянку устроить у себя дома. Вот дешевка!

– Она хотела отомстить Заболотникову. Она видела как товарищ майор катал начальницу санчасти на ее Волге.

– Да иди ты! Родя и нашу недотрогу, Нашу Варвару Игнатъевну трахнул! Ну самец! А что, Заболотников красавец мужчина, закончил музыкальную школу. Он что на гитаре, что на пианине – так сбачает, что у баб – слезы катятся. А зятянут песняка – Родя всех перепоеет. У него голос как у Трошина. Особенно когда заведет "Что стоишь качаясь, красная рябина".

– Тонкая рябина, товарищ прапорщик.

– Один хер! Слухай, а у ты есть где схорониться?

– Откуда, товарищ прапорщик!? Домой что ли бежать? Так завтра же приедут и заберут.

– Тогда одевайся и пошли со мной. Переждешь у Катьки ветеринарки. Ты парень красивый, она таких обожает. Что хочешь для тебя сделает, только трахни хорошенько. У нее и спиртяшка водится, а вечером поджарит тебе кабаньи Яйца. Она считай каждый день поросят легчает. Стоять будет как у того борова. Оттянешься только так.

– А вы, товарищ прапорщик? Я не люблю женщин отбивать у своих.

– Полюбишь еще, хлопец, полюбишь! Обрыдла мне Катюха. Я возьму ее сеструху. Бабы – народ ничейный. Да и потом, должен же ты сквитаться. Пока ты спал, мы с Ариадной и Викой в трех забавлялись. Я их харил во все свистки! А они мне такой минет устроили!

Прапорщик захохотал негромко, тиская свой впалый живот. Потом он хлопнул смешавшегося Коробейникова по плечу.

– Хоп, казаче, не журись, туды – сюды повернись! Прорвемся Сашок. Я не ревнивый! Ты только не возникай и все будет как у Аннушки!

– Как прикажете, Товарищ прапорщик.

– А с пьянкой тебе надо завязывать. Кишка тонка, сержант.

– Да это с пива. Я вырубаясь, когда засандалю ерша... Это Арка мне все подливала.

– Воще-то давай-ка сначала для большей убедительности поломаем немного мебели, побьем люстру, хрусталь поколотим... Да по-тихому! Иди вмажу в рыло тебе пару разов! А потом ты мне фингал нарисуешь под глазом... Да не забудь – под левым глазом! Это только левша сажает фонарь под правую гляделку.

Подельники оттащили изуродованного Валеру в гостиную, немного покурочили обстановку майорской квартиры и через чердак ушли к Катерине. Утром, побрившись, надев парадный мундир, прапорщик Стебельков намылился сдаваться. А перед самым обедом взяли из койки ветеринарши Катеньки и Сашку Коробейникова.

Прапор Стебельков и каяться начал по умному – начал с непосредственного своего командира, начальника Окружного склада боеприпасов полковника Редущенко Гаврилы Семеновича. Редущенко – человек, пусть перед проку ром замолвит словечко. Разве мало добра сделал ему оборотистый прапорщик Стебельков? Что он сам не котует? Должен мужик понять мужика. Это прокурор как не мужик выделяется, а то на блядки не ходит...

Кровавая разборка на бытовой почве в закрытых гарнизонах – не в диковинку. В замкнутом секретном пространстве все на виду. Личной жизни не убережешь от соседских пересудов. А когда личная жизнь лишается тайны, то и страха перед людьми нет, бабы звереют от тоски, как скорпионы в банке. На квартире Заболотникова гужевались отпетые бляды, можно сказать, группа риска, позор военного городка. Эти сучки с вызовом расшатывали семейные устои офицерского состава. В общем и целом, начальство гарнизонное нашло полное понимание у военных прокуроров и дело о кровавой бойне быстро сползло на тормозах в архив.

Отделался прапор Стебельков тремя сутками гауптвахты.

Это было райское местечко для ветеранов гарнизона. Одна стена отделяла Губу находилась от каптерки вещевого довольствия. Другая – от продовольственной каптерки. Кореша с этих каптерок обеспечивали узнику похоти не только усиленный допшпак из самогонки, сала и тушенки. На ночь к Стебелькову был обеспечен доступ жалостливой Верочки, сеструхи ветеринарки Катеньки.

А майор Заболотников в руки правосудия не дался. Не позволил поганить честь офицера. Он увел Волгу из гаража своей полюбовницы-врачихи, четыре дня где-то мотался по России. На пятый день майора в железном гробу сплюсненной Волги, подняли со дна реки Ипать в городке Сураж. На всех газах Родион Савельевич пошел на обгон пароконной телеги, а навстречу – КАМАЗ с сеном. Одним словом, проломил майор бетонные перила. Если бы жить хотел, – может быть, и выбрался бы из своего железного гроба.

Женский суд военного городка напутствовали в последний путь майора Заболотникова самыми страшными пожеланиями гореть в огнях адовых до скончания века. Мужики воинской части Д-150708 скинулись на гранитный памятник для афганца-артиллериста... Бабский трибунал помянул мертвецу все три его женитьбы. Местные активистки-ханжи, понося удачливого жеребца, сорвавшего пломбу девственности не у одной офицерской дочери, чуть не в глаза плевали прибывшим на похороны обеим первым женам красавца майора. Мужики из молчаливой солидарности устроили товарищу, покаравшему блядей, торжественные похороны с армейским духовым оркестром и стрельбой почетного караула... Совершен был и православный молебен на кладбище, в сорном болотистом лесу... Рядом с многорядной колючей проволокой охраняемого периметра артиллерийских складов.

Эти похороны для Александра Коробейникова открыли неизмеримую ценность его собственной шкуры. Какая никакая, а своя. Не с принятием воинской присяги, как считается в военкоматах, началось его возмужание. Возмужание началось а с необычных похорон почти неизвестного ему человека. Похорон в которых участвовали одни товарищи Заболотникова и лишь три женщины: мать его и две первые супруги...

Майор метеоритом смерти промчался со своим пистолетом Макарова в непосредственной близости от той страшно тонкой нити, на которой висела и по случайности еще продолжает висеть над бездной небытия бесценная жизнь Коробейникова. Впервые нутром он почувствовал, что есть кроме секса и других менее азартных удовольствий более важное, самое важное удовольствие – оставаться в этом мире живым, удовольствие просто дышать, видеть, и слышать посреди смертельных опасностей окружающего мира.

Так Жизнь Сашки Коробейникова была расколота на две неравные половины: до похорон и после похорон майора Заболотникова. Хотя, если честно, – похороны это внешняя трещина раскола. Настоящий разлом произошел внутри его. Теперь жизнь навсегда будет делиться на "до" убийства армейского приятеля, сержанта Валеры и после убийства такого же как он салаженка, ничего в своей жизни толком так и не распробовавшего.

В жизни "До того" все было "на авось", кое как и казалось важнее самой жизни, поскольку Жизнь лишь ограничивала, обкрадывала удовольствия. Устройство жизни не позволяло пить вино и забавляться с девчонками день и ночь изо дня в день беспродыху. Жизнь приносила усталость и отвращение. Жизнь устраивала разлуки с девчонками и приносила безденежье. Учила уму разуму, практичности даже в самых искренних порывах тела и души. Приносила привычки и обязательства перед теми кого трахаешь. По этой причине не редко приходилось ущемлять свои чувства. Особенно при безденежье, приходилось делить постель не с молодыняком, у которого щель, с копеечку, а с богатенькой Серафимой. А у Серафимы, стареющей скульпторшей, Заслуженной художницы России давалка была раздолбаная, да еще и бешеная.

Выходило, в жизни "До того" он был абсолютно ото всех и ото всего смертельно зависим. В жизни "после того" он уже более никому не позволит приблизиться к Нити своей жизни ближе чем на расстояние вооруженной руки. Вооруженной чем угодно, и чем попало. Ни от тех кто его любит и хочет, ни от тех кто его не любит Жизнь его никогда больше зависеть не будет.

Присутствие на похоронах попа и дьякона напомнили Коробейникову, что он тоже православный христианин. Что и его жизнь дана Господом Богом под его личную ответственность. И только перед ним он будет держать в свое время ответ если не сохранит в целости доверенное ему достояние, его Жизнь. Он должен жить и жить вопреки всем опасностям окружающего Мира. Он должен выживать, когда другим выжить не удастся. И он выживет.

После несвойственных ему размышлений на кладбище, Коробейников почувствовал себя на земле увереннее. По-ученому если, – он обрел понимание, что такое Смысл Жизни. Не вообще Смысл Жизни, о котором в школе все уши прожужжали учителя, а Смысл его Личной Жизни. Все другие соображения, касающиеся жизни "других" людей, постепенно отодвинулись на второй, третий, тридесятый планы. И это справедливо! И тем "другим" никто не мешает выживать в силу своего упорства и жизнестойкости. Но не за счет потерь Александра Александровича Коробейникова.

На следствии Коробейников неукоснительно держался версии случившегося на квартире Заболотникова, складно состряпанной прапорщиком Стебельковым. Были коварные вопросы следователя и прокурора о происхождении обоих синяков, заделанных прапором на торце. Были попытки военной прокуратуры учинить какие-то следственные эксперименты и запугать свидетеля убийства трех блядей длительным сроком заключения. Врала крючки, что, дескать, Стебельков расколослся и предал подельника. Предлагалось подставить Стебелькова... Но Александр тупо твердил одно и то же, почти слово в слово повторяя свои показания из допроса в допрос.

По своей инициативе ни разу не упомянул Коробейников благодетеля своего. Вот о сержанте Сереге рассказывал подробно и не без совершенно искренней дрожи в голосе. Они действительно были корешами и тут врать нужды не было. Если же ехидный прокурор требовал что-то сообщить о прапорщике Стебелькове, Александр скупно талдычил, что он пришел в гости к Ариадне, а не к прапорщику. Стебельков был давним приятелем Ариадны. Какой

был смысл следить, чем Стебельков занимался, после того как гости Ариадны Заболотниковой упились в сиську и разбрелись. Он же к Ариадне не приставал...

И о жене майора рассказывал Коробейников охотно. Когда виновник твоих неприятностей дал дуба, легко уживаются вранье и правда. Да, да, да! Он дружил с Ариадной Грибалевой, не пожелавшей при регистрации брака честно взять фамилию мужа. Познакомились на пляже запруженной речки рядом с военным городком. Там все купались. Разве солдат во время увольнительной не имеет права искупаться?

– Да, да, да, Ариадна первая обратилась ко мне. Говорит: "Солдатик, а солдатик. Натри симпатичной женщине спину кремом для загара". Они все красивые, когда голые. Она тощая, у ней и задница сморщилась от старости. А я суходрочкой не занимаюсь, мне нужно было... А как сказала она про себя "симпатичная женщина", так меня как током ударило. Я разул глаза и вижу что она совсем не старуха, не тощая, а стройная. Я понравился Грибалевой и мы стали целоваться. Как было солдату отказаться от такой симпатичной женщины. Тем более, что женщина жаловалась, что муж ее не удовлетворяет и, чтобы хорошо кончить, ей приходилось заниматься мастурбацией. Откуда мне было знать что она замужем, что муж у нее майор, а я только, только получил первую лычку. Я ничего такого не думал, даже когда Ариадна привела меня на свой садовый участок. Нас часто приглашали офицеры покопать грядки или траву скосить. Я ничего не думал. Но отказываться тоже не стал. Она давала мне поесть и выпить. Я влюбился. – А что простой солдат не имеет права влюбиться в женщину. Мы тоже люди! А когда Заболотников стал избивать Валеру я стал защищать сержанта, мы с ним в одной роте служим, и Стебельков защищал... А потом майор ударил Валеру подсвечником и стал стрелять в женщин.

ГЛАВА 5 ПЕРВОЕ ПОРУЧЕНИЕ ПОДЕЛЬНИКА

Под ироничное шуршание протоколов на прокурорском столе повторял Александр легенду своего преступления все более агрессивно и это быстро прокурору надоело.

Через две недели к четвертому убийству майора Заболотникова интерес у прокуратуры как-то сразу пропал. Неожиданно Коробейникова вызвал в канцелярию писарь и протянул приказ командира роты. Александр опешил. Ни с того ни с сего ему приказывалось убыть в отпуск на десять суток, включая время нахождения в пути.

Когда он расписывался в получении приказа, рука его от незаслуженной радости предательски вибрировала. Как будто в руках он держал не шариковую ручку, а свой родной АК-47. И вел огонь длинными очередями по движущейся мишени.

На следующее утро к казарме на машине начальника складов подрулил Стебельков. На сиденье лежал новенький заграничный чемоданчик-дипломат с шифрованным замком. Александр подумал, что прапор тоже поедет с ним в Москву.

Вот и прояснилась тайна неожиданного отпуска домой. Стебельков продолжал его обхаживать. Цель его услуг была по-прежнему не понятна. Бескорыстием тут не пахло. Ясно было одно, – не скоро же он отвяжется от нового нахально услужливого приятеля.

Обычно Александр начинал психовать, когда вольно или невольно оказывался должником. Против всякой логики он упорно считал виновником своего долга кредиторов и ненавидел их щедрость. Но выяснять отношения с прапором, когда свежа могила Сереги, – стал бы только полный мудака. Радость Свободы и скорого свидания с родными была испорчена.

Прапорщик Стебельков лично доставил Коробейникова на вокзал ближайшего города Никодимов.

– Мы теперь повязаны с тобой навек. – Строго напомнил Стебельков, прощаясь у вагона. – Ты главное не возникай, и все у нас будет как у Аннушки. Лады!?

Александр не слушал заклинаний плутоватого прапорщика. Он не сводил глаз с щегольского дипломата. Тайна клевои вещицы его страшила почему-то. И страшила все более. Чутье на опасность была еще у него явно недоразвито, и тем не менее, чутье свербело. Александр вздохнул с облегчением, когда истекло время десятиминутной стоянки и поддатая проводница ором стала загонять пассажиров в вагон.

– Покеда, товарищ прапорщик. Спасибо за все. – Весело замельтешил Коробейников.

– А это, Сашок, передай, пожалуйста, по назначению. – Стебельков чуть не силой вложил в руку Коробейникова дипломат и потянулся к его уху. – В Москве из вагона не выходи. – Шепотом уже не попросил, а приказал прапорщик. – Не дергайся. Тебя найдут. Подойдет грузчик с номером 98. Запомни – 98. Спросит твои ФИО и скажет: "Вы такси в Домодедово заказывали". У такси номер 19-37... Запомнил? 19-37... В такси будет сидеть чурка. Не тушуйся. Получишь три косаря капусты. Не пересчитывай. Обидишь. Он товар тоже не будет распаковывать. Себе отстегни десять процентов. Дипломат тоже себе возьми. На память от меня лично.

– А что там? – Робко кивнул Коробейников на чемодашку.

– Тебе, Саня, спокойней будет не знать чего ты везешь.

– Нет уж! – Взбесился Коробейников. – Я должен знать на какой подлянке ты меня хочешь подсидеть.

– Я сказал – не ищи на свой зад приключений. – Повысил командирский голос Стебельков.

– Или говори, или бросаю чемодан под колеса. – Закричал Коробейников, от страха перед неизвестностью забывая, что он полностью во власти прапорщика...

Поезд дернулся. Скандаля, Коробейников и Стебельков двинулись следом за набирающим скорость вагоном, не замечая благим матом орущую проводницу. Наступила решающая минута. Стебельков, наконец, должен был прекратить игру в жмурки, а Коробейников решить – играть ли вообще со Стебельковым в его игры или швырнуть дипломат в рожу негодяя. Они уже бежали... Им вслед уже пускал соловьиные трели дежуривший на перроне мильтон.

– Говори, мать твою! – Крикнул Коробейников и угрожающе размахнулся дипломатом.

Стебелькова передернуло от злости. Не дождал он строптивного курьера. Пересылка слишком опасного товара срывалась...

– Там запалы для лимонок... Двадцать пачек патронов к Макаркину. – Успел просвистеть злобным шепотом Стебельков, прежде чем Коробейников рывком взлетел на подножку вагона.

Коробейников нагрянул домой без телефонного звонка. Открыла ему сестра Светка. Она только что вымылась в ванной. На голове ее был накручен тюрбан из розового махрового полотенца. На розовом милом личике сверкали ликуя светло-карие глазки. Одна розовая ручка стыдливо придерживала куцый байковый халатик на груди, другой на животе. Сестренка понимала, что давно выросла из халата и стыдливо зарумянилась. Но стыдливость не долго стесняла ее... Радость была сильнее...

Глаза солдата мигом обрели стереоскопическую обзорность, как у рыбы. Он обнимал сестру жарким взором сразу от пяток до макушки и поношенный халатик мог не тужиться, чтобы сохранить тайну душистой девичьей наготы... Светка обалдело всплеснула гибкими ручками и, обвив шею брата, алыми горячими губами впилась ему в обветренные губы.

А халатик и не тужился позаботиться о девичьей скромности. Полы халатика шаловливо скользнули в разные стороны еще до того, как Светка прижалась к любимому брату маленькими твердыми грудями. Светка еще находилась в полете с распростертыми объятьями, когда ниже ее обнаженного живота промелькнул смоляного цвета курчавый треугольник лобка.

– Как вкусно ты пахнешь... – Охнул Коробейников.

Сердце Александра сделало чудовищной силы рывок в никуда и замерло в стремительном полете... Коробейников подхватил Светку на руки и крепко целуя острые соски понес ее к неубранной на тахте постели.

– Дурак! Даже не побрился! Щекотно же! – весело запричитала сестра, дрыгая ногами.

Оказавшись в постели, Светка завернулась в простыню. Александр стал на колени перед сестрой и носом стал рыть проход к ее розовым пяткам. Она так боялась и так любила, когда брат щекотал ногтями пятки. На этот раз он стал щекотать ей пятки языком.

Вот губы Александра прошлись по щиколоткам, напористо достигли подколенной впадинки. Язык его работал быстро, как у змеи.

– Ой, Сашка, перестать! Ой что ты со мной делаешь!

Светка перевернулась на живот, сунула голову под подушку и мелко засучила длинными ножками, стройными как у балерины Майи Плисецкой.

Александр облизал каждый просвет между ее лаковыми щиколотками, розовыми икрами, шелковистыми бедрами, а их, как у балерины, было двенадцать. Он с нажимом провёл носом по расщелине, разделяющей румяные сдобы ягодиц. Вылизал и обцеловал каждую бусинку позвоночника. А Светка заливалась безудержным икающим хохотом.

– Я же не каменная. Ой, я больше не могу! Я же отвыкла от тебя, дурачек!

Наконец, Александр измотал себя в конец. Спонтанные Поллюции дважды пролились в трусы. Он прижался к ягодицам Светки небритой щекой и перевел дух.

– Повернись, моя золотая рыбка. Я ничего тебе плохого не сделаю...

– Знаем мы вас, мужчин. Вы только обещаете, а сами лезите куда не надо.

Светка перестала смеяться. Попка ее дернулась раз-другой и замерла оцепенении. В следующее мгновение Светка вскочила с тахты и, зажав полой халатика мокрый пах, бросилась в ванную.

Зарычал унитаз. Потом вкрадчиво зашелестел душ. Александр подождал, когда перестали трястись губы и руки. Приник лбом к двери в ванную.

– Светик-самоцветик, открой дверь, пожалуйста, – томно проворковал Александр, вкладывая в слова обольщения весь свой сексуальный опыт.

– Зачем? Ты будешь приставать...

– Все прошло, я в норме. Прости меня, я больше не буду...

– Все вы так врете. – Светка невесело засмеялась только ей известному смыслу ее слов.

– После вони портянок в казарме я просто обалдел от запаха твоего чистого тела. Я вспомнил как мы с тобой ласкались в море... Помнишь Судак?

– Судак я хорошо помню, но приставать Ко мне не надо... У меня даже низ живота разболелся. Я тебе не железная...

– В прошлом году я видел в твоём рюкзаке пачку японских презервативов. Я понял, что у тебя есть друг.

– Ну и что? Это мое личное дело!

– Так захотелось накостылять твоему другу.

– Это прошедший этап, – игриво вздохнула Светка.

Коробейников чувствовал напряженное дыхание сестры. Она прижалась с другой стороны двери. Она хотела открыть дверь... Она откроет дверь, если он возьмет на себя всю вину за последующее...

– Лапочка моя, нам нечего скрывать друг от друга. Наоборот, мы должны помогать друг другу в трудных ситуациях... Ну, ты понимаешь... Когда возникают проблемы... Мы же родные. Кто еще лучше поймет как трудно любить девушку или парня, когда у тебя мозги зациклены на одной мысли, как бы поскорее трахнуть... Когда ты сексуально озабочен, в человеке разобрататься невозможно... Ты понимаешь?

– Я прекрасно понимаю, что ты соблазняешь меня и так умело это делаешь. Мне даже интересно... Ты так возмужал, ты голодный, я понимаю и немного боюсь тебя...

– Разве я когда-нибудь делал тебе больно?

– Так у тебя проблемы? Хотя, что я говорю, ты почти год постился в казарме.

– Я не о том. Бляди у меня были. Но я хочу полюбить чистую девушку. А для этого надо уметь девчонке доверять. А чтобы доверять надо знать ее и верить ей. Да вот не умею я доверять. И верю только тебе одной. А после того, что со мной недавно случилось, я вообще перестал верить людям... Когда я прижался к тебе, мне стало так легко. Все мои проблемы пропали. А тебе я доверяю...

– Ах, ты бедненький обезьян. Ладно уж, заходи. Дверь, кстати, не заперта...

Заколов халат на груди булавкой, полы зажав в коленях, Светка присела на край ванны и прикуривала длинную коричневую сигарету МОРЕ. Теперь она точно была в трусиках. Александр стрельнул у сестры сигарету и впервые закурил дома в открытую.

– Что, братичек, обжегся? Я тоже погорела с одним парнишкой. Этот сученок делал в презервативах дырки, чтобы я залетела... Думал тогда уж я точно выйду за него замуж. Хорошо, что я дополнительно предохранялась таблетками внутрь... Как мне теперь ему доверять? А парень – умница, компьютерный Бог нашей школы. Вот Что мне делать? И в институт надо поступать. Что делать дурехе? Вообще-то, скотина этот Алик-Ялик. НЕ доверяю я больше парням. А замуж выйти хочется. Надоело шарахаться по подвалам. Розочку Мечишникову помнишь? Сифилис подцепила. Леночка аборт поздно сделала, воще рожать больше не будет.

Коробейников бросил окурочек в унитаз. Опустил крышку, посадил сестру себе на колени, прижался виском к острию все еще возбужденной грудки.

– Негодяй ты, Сашка, если по большому счету. У меня там внутри все болит. Как дура, от страха кончила не полностью.

Светка обняла голову брата и стала копошиться в волосах пальчиком. Александр замер. Как сеструхе не противно ковыряться в вонючей солдатской голове. Нет, ей было не противно. Эта сдержанная ласка была невыносима. Он стал расползаться как блин по сковородке... И так стало горько Александру, так стало себя жалко, что защипало во рту и стало першить в горле.

– Свет, я чуть человека не убил.

– Да иди ты! Женщину что ли? Из ревности? Ну, ты даешь, братичек.

– Дело один мужик замял, но меня до сих пор трясет... Каждый день ожидаю, что этот гад меня заложит. Крепко подцепил меня. Рабом своим сделал... Я не могу! Долго мне не протянуть! И член по утрам больше не стоит. Наверное, я стану импотентом от страха.

– Бедненький, неужто правда? Ты целовал меня так страстно. И тебе совсем не хочется больше обладать женщиной? Меня же ты вон как хотел!

– Я хочу, хочу очень. Но боюсь. Из-за бабы, я чуть под вышку не загремел.

– Я всегда подозревала, что ты очень темпераментный парень. Каждый день матери приходилось менять простыни.

– Даже не знаю, что теперь со мной будет.

– Александр расстегнул на груди сестры булавку и приник к багровым соскам.

– Саш, кончай меня мучить. Мне жалко тебя, жалко себя, всех жалко. Да вот только я пчелка без жала. А без жала в наше время нельзя. Я тоже не могу без мужика. А перед парнями приходится делать вид, что ты целка и паинька. Если отец узнает, что я уже год живу с Аликом-Яликом как муж и жена... Страшно подумать какой будет скандал.

– А тебя удовлетворяет этот пацан?

– Да ну тебя, Саня!

– Ну, чего мнешься, мы же свои.

– Не знаю я ничего. Мне с кем сравнивать Алика. Девки наши давно советуют попробовать настоящего мужика...

– Вот и попробуешь сегодня, сладкая моя! Зачем тебе шарахаться на стороне, еще СПИД подхватишь.

Александр сграбастал Светлану в охапку и во второй раз понес в постель.

– Сейчас Алик должен прийти... Мы целый месяц не могли уединиться... Вот что ты будешь делать? – Захихикала Светка. Все-таки, какая отчаянная авантюристка я. Мне давно хотелось попробовать каково это женщине, когда у нее несколько любовников.

Александр медленно стал спускать трусики Светки. По длинным, стройным ножкам трусы сползали, как флаг сползает по флагштоку. Светка смотрела ему в глаза и ехидно улыбалась, упиваясь властью своей сексуальной привлекательности.

– Ну что с тобой делать! всю ты меня измучил! Шторы хотя бы задерни, любовничек. Тут один старпер так и шарит за мной в подзорную трубу. Проходу не дает.

– Ну и что!? Ты такая красивая, пусть любитесь на красоту.

Прикрывая стыдливо вялый болт, Коробейников поспешил исполнить требование девчонки.

– Да и телефон, пожалуй, выключи. Без звонка Алик не явится... Да подмыться не забудь, а то несет от тебя как от козла...

"О душе, засранка, могла бы не напоминать". – Подумал Коробейников. Это была последняя возможность суходрочкой привести болт в боевое положение.

Пока Александр возился со шторами, Светка внимательно рассматривала ягодицы брата. Они интересовали, точнее, возбуждали ее активнее, чем стоящий член мужчины. Попка солдата была то что надо. Тощенькие, маленькие, упругие и очень плоские окорочка! НЕ то, что у жопастого Альки. У него жирные, бабские, как булки.

Господи, Так неприятно, когда мужчина при женщине снимает штаны и стыдливо отворачивается. Лучше бы не ежился и стоял передом. А сказать – обидишь... А если Сашка преувеличивает свои мужские достоинства? Что если про блядей – наплел для куражу? Раз жметесь, – то действительно не стоит...

"Черт! Какие-то все сложности! – Расстроилась Светка. – Девчонки говорят, что все зависит от женщины. Хочешь поиметь самый лучший кайф – возьми сначала член в рот... А я все никак не привыкну с мысли, что женщина обязана помогать мужчине... Что это за мужик, если у него не встает при одном виде моего обнаженного тела. Это даже оскорбительно... Нет в рот взять – интересно, но для этого очень нужно захотеть... Ну, посмотрим, сода тик, на что ты способен. Пожалела я тебя... Оголодал зверюга, может быть, от того и не стоит двое мужское достоинство...

А вода в ванной все журчала и журчала... Сашка все не шел и не шел... Боится появиться с тряпочкой между ног, с тряпочкой между настоящего мужского достоинства. Эх, бабы, бабы! Все ждем, ждем чего-то... Правда, если разобраться хорошенько, еще не известно кому больше пользы от знаменитой женщинской жалости...

Что мужчина!? Пришел, исполнил свой мужской долг и забыл о женщине до того как приспичит в следующий раз. Мужик это сплошная физиология и забывчивость, и никакой духовности. Самец, что еще с него возьмешь? Он через пять минут, и лица женщины не вспомнит. Поимеет тебя, и нет его. А женщина помнит его всего, долго помнит этого засранца в себе... Помнит каждое свое ощущение! Баба должна постоянно помнить, что она женщина, черт побери! Женщина, а не просто самка! Должна чувствовать уверенность в себе, уверенность, что она одна может дать мужчине убежище от его несчастий. В этом превосходство женщины, жалость женщины – ее сила. Не способная к жалости баба не может уважать себя... Не будет в душе чувства превосходства над мужиком – растопчет тебя жизнь только так!..

Брат что-то задерживался в ванной. Остыв, Светлана почувствовала, что сожалеет о данном брату согласии на совокупление. Конечно, это она сделала ради здоровья, своего здоровья и Александра, и все же...

Это были последние ироничные мысли Светланы. Это была последняя минута ее превосходства, превосходства сильной, красивой девицы, преждевременно возмнившей себя зрелой

женщиной. А потом все смешалось и началось такое! Она стала задремывать, когда в ее заскучавшее лоно ворвался такой ураган!

Впадая в горячий обморок и вновь приходя в себя, в муках умирая, и воскресая в блаженстве долгого, мощного как фонтан оргазма, в проблески сознания Светлана ловила себя на мысли, что счастлива подленным, низменным, но настоящим бабским счастьем. Как хорошо, что она нашла в себе силы преодолеть страх угрозы крове смешения. Стыда в ее предосудительном поступке куда меньше, чем той практической пользы, что принес ей для будущей сексуальной жизни ее совершенно развращенный брат... Скотоподобный, абсолютно бесстыдный и безжалостный к женскому телу, даже к молодому, неопытному и еще недоразвитому телу своей красавицы сестры.

Все что Светланка уже прочла в сексуальной литературе – казалось ей теперь жалкой гимнастикой. Ветка Персика, Дао Любви, куда им с их змеиными позами, нереальными на деле. Сила и азарт – вот что она будет теперь любить в сексе. Бесконечное лизание и нежные прикосновения – это для тех женщин кто не полностью осознал себя здоровой полноценной бабой, кто остается всю жизнь наполовину лесбиянкой. Сила и натиск! Натиск и Сила пробуждают каждую клеточку женщины для безоглядной любви! А главный кайф, – чтобы лобзания были сильными не прекращались ни на минуту с самый ответственный момент любви!..

Блестками в мутном рассудке Светки проносились осколки мыслей о том, что вот теперь-то она точно забеременеет. Было страшно прервать следующие один за другим вспышки оргазма, и за противозачаточными таблетками она так и не встала. Как хорошо, что есть Алик. Всегда можно свалить беременность на Алика и ребенок не останется без отца. А после такой бурной любви получится чудный ребенок... И здоровье его будет гарантировано на долгие годы, у пусть козлы от медицины не пугают последствиями кровосмешения... Женщина одна знает какой нужен отец ее ребенку. ЕЕ чутье делает выбор, а чутье женщины никогда не ошибается...

Греховодники заснули далеко после обеда. Сначала их, слившихся в объятьях застал отец. Александр Герасимович покружил по комнате, покружил и ничего умнее не придумал, как уйти из дома к приятелю-холостяку и нарезать. Казалось, он никогда уже не сможет вернуться в свой опоганенный дом. Всего можно ожидать от женщины, но такого...

Потом мать, Вероника Петровна, созерцала сквозь горькие слезы бесстыдно раскинувшихся во сне обнаженных любовников, совершивших самый подлый из грехов, грех кровосмешения.

Около полуночи, сильно под шафе, полковник Коробейников нашел в себе силы вернуться домой. Дом его встретил загробной тишиной. Светка умотала от скандала к Алику-Ялику на дачу. Александр в полной боевой готовности сидел в гостиной у стола. Рядом лежал так и не развязанный солдатский вещмешок со скромными гостинцами сержанта для родителей и Светланы. Тут же стоял красавец чемоданчик-дипломат. Уже пустой...

Александр ждал приговора. Родителей он оскорбил совершенно случайно и раскаяния не чувствовал. Собственно, он оскорбил даже не самих родителей, а их предрассудки. Светка взрослая, имеет право сама решать что для нее хорошо, что плохо. Плохого он не сделал. Даже принес опыт и теперь подружки не собьют её на экспериментирование с неизвестными мужиками. И цену себе она теперь знает, предательство любовника уже не застанет ее врасплох...

Но Вероника Петровна не осмеливалась без отца вынести вердикт сыночке-негодю. Она безутешно плакала на кухне о незавидной доле матери, так эгоистично преданной собственными детьми. Сердце ее разрывалось от противоречивых чувств. Чем дольше длилась в доме мертвая тишина, тем менее была уверена Вероника Петровна, что она осмелится предать проклятью и отречься от своих детей. А именно этого потребует боевой командир полковник Коробейников.

Так и случилось. Александр Герасимович вернулся и пинками выгнал сына из дома. Навсегда вычеркнул из списка личного состава своей семьи. А рыдающей жене пригрозил. Пообещал полковник увезти ее из культурного города Москвы в самый гиблый гарнизон, если она будет вновь приваживать к дому проклятого ублюдка-сына... Дыр хватает. Куда-нибудь на крайний Север! В Певек или на Камчатку!

На Ярославский вокзал, чтобы переночевать и вернуться в часть, Коробейникова за бесплатно не пустили блатного вида мордастые охранники. Он был в гражданке. Во избежание нездорового любопытства военного коменданта, солдатской книжкой фигурировать перед бухой охраной не стал.

Было два часа ночи, когда Александр решил позвонить Серафиме, своей первой женщине, превратившей смазливую пацана-шестиклассника в настоящего мужчину. Он бросил эту пожилую, но неумно огненную блядищу еще до ухода в армию. Бросил не потому, что она надоела в постели или плохо ему при ней жилось прилипалой материально.

Нет, в этом давно следовало разобраться... Он не испытал тех первых мучительных мальчишеских томлений перед женщиной, что сопровождают мальчика в период полового созревания. Он не пережил жестокой борьбы детской былой Свободы от похотливых грез и еще непосильной зависимости от грубого зова природы, материализованного в загадочном образе женщины.

Серафима в его жизни появилась именно в тот момент, когда мальчишка только начинает чувствовать потребность разделаться с тайной женщины... Такой влекущей тайной существа, в котором слилось воедино нечто до невозможности чистое и ужасающе грязное, запретное, раскалывающее цельный, гармоничный мир детства клином полового противостояния... Ласки опытной женщины легко и своевременно снимали проблемы набухающих гениталиев мальчишки по мере их возникновения. Серафима для патологического романа пацана и бабы создала такую прочную сексуальную гармонию, что ей не виделось конца.

Коробейников больше всего боялся столкнуться сейчас с новым любовником Серафимы. Он сделал вокруг дома два полных круга, прежде чем подошел к двери мастерской Серафимы. Заглянул в окна. Сплошные холщовые шторы не оставляли ни малейшей возможности подсмотреть обстановку в мастерской.

– Альфонс! Идиотка! Какой же я тебе альфонс? Я любил... – прошептал Коробейников прислоняясь горячим лбом к стальной двери.

При чем тут альфонс, не альфонс! Если так рассуждать, то можно сказать: все бабы бляди. Но это не утешит даже последнего дурака. Скорее всего его стала тяготить двусмысленность его положения. Положения симпатичного раба на содержании у состоятельной женщины. Симка была заслуженной Художницей СССР, члена союза Художников, по секции монументальной скульптуры, и считала, что заслужила право иметь молодого благодарного раба...

– Серафима, это ты? – Осторожно переспросил Александр, опасаясь нарваться на обычную после разлуки грубость.

Уж больно возбужденным, помолодевшим показался ей сейчас голос Старухи. Еще и голоса какие-то звенят в мастерской.

– Ах, это ты, шалопай! Воще-то некстати, но приезжай. Деньги на такси есть?

– Так точно.

– И на цветы хватит?

Александр поморщился и оставил этот бестактный вопрос без ответа.

– Да будет тебе кокетничать, парень. Интересно, какие на этот раз привезешь мне цветы.

Александр рубанул трубкой по таксофону и трубка распалась на куски. Коробейников уже заводился. Он знал этот примитивный прием Старухи. Намеренно и довольно грубо оскорбляя, Серафима "разогревала его", как в роте разогревают водилы двигатели бронетранспортеров.

Вот теперь он точно знал почему бросил Старуху на растерзание ревности. На него стали смотреть ее друзья как на прихоть сумасшедшей бабы. Он стал частью интерьера ее большой и уютно мастерской на Красной Пресне. Им заносчивые знакомые Симки хотели бы воспользоваться, как пользуются во время пьянки стаканом или мягким антикварным диваном хозяйки мастерской...

Один хмырь, пробавлявшейся мелкой пластикой, оказался голубым и предложил за деньги стать перед ним раком. А подружка Танька, художница по тканям, так та, стоило Серафиме отвернуться, прямо лезла в штаны ее любовника и тискала яйца как спринцовку, пока парнишка не сбросит молодое семя в штаны... А потом они вместе ржали над тем как парнишка тушевался от стыда и возбуждения. Александр подозревал, что Серафима одалживала его подружкам позировать из бабского тщеславия. Соблазнив раздетого парня, девки должны были убедиться, какого классного бычка она держала при себе на веревочке.

А он любил Серафиму. Любил и все тут. Ему было и приятно и даже интересно, все что проделывала с ним веселая и неистощимая на выдумки развратница. Он даже совершил с ней путешествие на яхте по Рейну. Хохма. Яхтой-то управлял первый муж Серафимы. Прижившийся на Западе график. "НЕ такой уж и талантливый", – по мнению насмешливой Старухи. И здесь она не удержалась, чтобы не пофорсить самым молодым любовником на борту. Требовала трахаться почти принародно. Хотя другие гости хозяина яхты вели себя еще более разнузданно.

Ему было всего пятнадцать лет. Он понимал, зачем пожилым, степенным, с виду, немцам, задирают юбки молодым девкам прямо за обеденным столом. Все смеялись, хотя любовники трахаясь под столом, жутко лягались, расплескивая по белоснежной скатерти суп и вино. Но это потешало компанию еще больше. Ладно, Серафима хотела уязвить своего бывшего мужа, не позвавшего ее к себе за бугор. Но другим-то какая неволя была потешать гостей графика?

Разрыв с Коробейниковым Серафима разным друзьям объясняла по разному, пока не запутала всех, кто ее потерей интересовался не из праздного любопытства, но из сочувствия. Нашлись и такие иронисты, кто назвал роман – патологией чувств, возникшей по причине атеистических взглядов Серафимы на отношения полов. Говорили много, но ближе всех к истине в этом патологическом романе все-таки был мистик Головлев, литературовед, подавшийся в буддийские монахи.

Вот Головлев считал, что Коробейников так и не поймет до своего преждевременного конца сути женской натуры. Ну не дано ему постигнуть, что мудрость Серафимы была единственным способом впечатать навечно свой образ ему в мозги и либидо... Он много раз будет бросать Серафиму и возвращаться к ней, не замечая как время растлевет все более глубокие области ее души. Он будет возвращаться к этой удивительной женщине, как к точке начала отсчета нового периода в своей жизни. В этой точке Коробейников стряхивал грязь одних сомнительных походов, чтобы начать новую главу своей сплошь авантюрной жизни.

Так что же это получается? Значит, все-таки Серафима любила!? Да не понял красавчик Коробейников изошренной женской любви?

Александр вошел в мастерскую как побитый пес. Преступление его было непостижительно, но он все же вошел.

На Серафиме был обляпанный зеленой глиной белый халат. Как обычно, ничего кроме халата на ней не было. В студии было невыносимо жарко. По багровому лицу мастера струился пот. Косметика оплыла и хорошо было видно, что Серафима недавно учинила себе пластическую операцию. Моложе она, пожалуй, не стала, но горделивый всегда четкий профиль стал еще симпатичнее... И мягче... Так она и форму носа изменила...

Серафима была поддата, сонная и не в духе. На подиуме, застланном шикарным малиновым бархатом в развязной позе две обнаженные фигурки спали или делали вид что спали... Упитанный мальчишка лет четырнадцати и пухлявая девчонка моложе его, но хорошо разви-

тая в груди и в бедрах. Около стены стояли две пары марлевых ангельских крылышек. И две застеленные раскладушки. Тоже понятно. Серафимой овладевала религиозная дурь...

– Поставь на плиту кофейник. Я пока занята. Эти маленькие свиньи тискаются по наглomu и не хотят заснуть. Специально назначила ночной сеанс, уже три часа ночи. А они не спят. Эта маргышка украдкой дронит парня. Шишка вскакивает и композиция нарушается. Да я и сама начинаю возбуждаться... Сволочи! Как не поймут, что мне заказано надгробье, а не эротическая композиция для борделя.

За спиной Серафимы хихикнули. Открылся карий глазок и девчонка показала Александру развратно красный язык. Вот чертовка!

– Ладно, ладно паяться... Воще-то мы спим втроем... Уступить что ль тебе девчонку на ночь? Или будешь четвертым?... Вот не знаю как все поместимся на диване... Хотя можно стулья приставить...

– Сима, не мудри. – Веско обронил Александр свою рассудительную мужественно короткую фразу. – Трахаться я буду только с тобой. Соплячку оставь себе на завтра.

– У, ты какой противный! Ладно, вари кофе, я еще полчаса поработаю с этой шпаной и разгону их по раскладушкам.

Александр не сомневался, что мозги у Серафимы уже заклинило и работать она не сможет. Он поспешил к холодильнику, нашел кусок сала. Он резал эту хохлацкую благодать толстыми кусками и глотал, глотал почти не прожевывая. Серафима едва ли даст ему поесть перед "тем как". Все их встречи начинались с траханья. Едва ли Серафима изменит своей привычки сегодня.

Так оно и случилось. Уже через пятнадцать минут Серафима погасила в студии свет, плотно прикрыла двери и стала сбрасывать прилипший к телу халат. Не похоже было что эта кобылица вспомнит, как ей необходимо перед еб..й принять душ.

Холодея от одной мысли, что после Светки он может не удовлетворить эту тигрицу, Александр выставлял на стол шампанское, бутылку шотландского джина, нарезку семги, трепанги, шоколад, тресковую печень...

На Серафиме были одни прозрачные плавки. С живота срезано сало, бедра подправлены скальпелем... Ножки стали загляденье. А груди, груди! Объем из как минимум удвоился... Ну, дает, блин, Симка!

Но Серафима не потащила озабоченного сержанта в койку. Она сбросила со стола карандашные наброски, села в резное кожаное кресло, твердо поставила на стол локти и сложила буйну голову себе в ладони. Сквозь вымазанные глиной пальцы проскользнула маленькое-маленькое зернышко слезинки. Александр чуть ли не на цыпочках приблизился к ваятельнице и осторожно провел рукой по затылку.

– Киска моя...

– Да пошел ты...

Серафима оттолкнула жалеющую руку сержанта и побрела в ванную. Через двадцать минут, преображенная, потрясающе молодая и благоухающая духами, она проплыла, покачивая бедрами, в свое кресло, закинула нога на ногу, закрыла атласную коленку полой махрового халата и щелкнула пальцами. Александр кинулся к инкрустированному бронзой настенному шкафчику, достал пачку сигарет Пьер Карден и передразнивая фатовской жест Старухи шелкнул зажигалкой у нее перед носом.

– Не забыл, негодяй! Хорошо я тебя вышколила. Хотела бы я знать, кому-то ты такой накачанный теперь достанешься.

– А что еще делать в казарме? Тренируюсь в спортзале до третьего пота. Бокс, Самбо, всего помаленьку...

Серафима сделала глубокую затяжку, выпустила дым в виновато улыбающееся лицо сержанта и настроение ее опять начало портиться.

Коробейников поспешно выстрелил шампанским, наполнил старинные темно-зеленые кубки. Один поднес грозной ваятельнице. Серафима отпила глоток, поморщилась и отставила кубок от себя подальше.

– Не в радость мне что-то твой визит. Дурная примета возвращение к старому. – Недовольно фыркнула Серафима, вытягивая из пачки Данхила сигарету.

" В конце – то концов! Будет тут она мне еще выламываться!" – вспыхнул от обиды Коробейников.

Он тоже закурил из пачки Серафимы. Она проводила его руку ехидной усмешкой.

"Да есть, есть у меня свои сигареты". – Едва не сорвался Александр на крик.

– Зарезал кого, да ограбил? – Еще более ядовито поинтересовалась садистка.

Оставалось врезать наглой бабе в торец, прямо в исправленный хирургом нос и хлопнуть дверью. И куда он пойдет по ночной Москве? Александр сделал глубокий вздох. Пора признаться, что ему негде ночевать. Но хозяйка мастерской его упредила.

– Лады, парниша. Не нравишься ты мне сегодня. Давай мотай-ка ты отседа. – Произнесла стерва задушевым голосом...

За дверями в мастерской рукоплескали в четыре руки маленькие паршивцы.

– Я не прощаюсь, – пробормотал пришибленный хамским отлупом Сашок.

– Это твои проблемы, – сказала задумчиво художница, раздувая ноздри.

Не сыто блестящими глазами пантера прожгла камуфляжную куртку Коробейникова на спине. Садистка ждала последнего слова провинившегося любовника. Ждала поступка возмущенного мужчины, от которого у женщины злорадность сменяется нежностью. Но гордый Коробейников не обернулся, чтобы оставить последнее слово за собой.

Александр вышел вон из мастерской под игривые июльские звезды воспаленного от бессонницы неба Москвы и снова почувствовал как все-таки хороша Свобода, когда сердце не боится одиночества.

Судьба словно решила добить сержанта, сумевшего в Армии отвоевать себе немного привилегий. Через отца, еще до ссоры с ним, Коробейников помог отделенному старшине Кротову пристроить в Кремлевский полк своего сына. Выпускника общевоинского училища. В результате лычки одна за другой как по волшебству сами попрыгали Коробейникову на погоны. Ему даже светили курсы подготовки младших лейтенантов... А тут хрясь!

Едва Коробейников, не отгуляв и половины драгоценного отпуска, заявился в казарму, по двусмысленной ухмылке салаги дневального он сразу понял что фортуна снова лягнула его копытом в зад. Постель его переместилась на второй ярус двухэтажной койки. С привилегированного места у окна в самый затхлый угол, где ночью от ядерного солдатского "бзда" хоть противогаз натягивай. Да там еще и потолок протекал, если дождик посильнее...

Александр схватил салагу за грудки!

– Я сержант! Кто приказал переселить меня в угол? Кто кинул мои шмутки на второй этаж шконки?

– Рядовой Коробейников! – Гаркнул прапорщик Стебельков, врываясь в казарму с бутылкой в руке, с фуражкой набекрень.

– Отставить! Почему не доложились о досрочном прибытии из отпуска по усей по хворме!? В чем дело?

Морда прапорщика Стебелькова сияла от радости.

– Да вот переселили, товарищ прапорщик! – Сверкнул очами уязвленный Коробейников.

– Не журысь хлопец! Был сержантом, стал рядовым! Потом опять станешь сержантом! Это дело поправимое! Айда до биндюжки Ахримчука. Отметим прибытие.

Но вот бутылка со спиртом опустела. Запер старшина Ахримчук свою вещевую каптерку. Посмотрел он на злющие глаза разжалованного сержанта налитые кровью от гнева, покачал головой, отдал ключ от биндюжки прапору.

– Любит Сашок поколобродить. Пусть в биндюжке ночует. Вроде как в самоволку подался.

Стебельков больно хлопнул Коробейникова по спине ладонью.

– Все нормалек, Саша! Теперь новая жизнь у тебя начнется.

Коробейников размахнулся хорошо, но промазал. Вместо хари прапорщика врезался кулаком в деревянную переборку каптерки. Висевшие на соплях настенные часы отыграли на консервную банку с остатками шпротов и фраерские отутюженные брюки залило подсолнечным маслом.

– Мудак! – Засмеялся прапорщик, заклинив руки драчуна в надежных объятьях. – Это же хорошо, что разжаловали! – Зашептал он Коробейникову на ухо. – В наряд будешь ходить. Бабки станут капать!

– За что меня опустили? – Грозно прорычал пьяный в сиську Коробейников.

– Воще-то бутылку должен ставить ты, хлопец. Зарыли наше дело окончательно. Мы отмазали тебя вчистую. Светили тебе десять черпаков строгача. Радуйся, хлопец, что отделался разжалованием. Надо же было и прокурору кусок кинуть. Должен же он принять меры.

– Опять ты, прапор гребаный, суешься, куда не просят... – Коробейников не успел закончить поносной своей фразы, как получил кулак под дых и повалился на пол.

– Ша хлопец! Больше я тебе не наливаю. Это не мужик, который пить не умеет... А кусок прокурору придется тебе отработать.

Прапорщик Стебельков запер пьяного Коробейникова в каптерке, чтобы отоспался, и уехал в Никодимов покупать новый чемодан.

Утром, сгибаясь под тяжестью огромного чемодана, Коробейников поспешал напрямик через лес к пункту посадки узкоколейки. К обеду мотовоз дотащил два расхлябанных рыжих вагончика до лесной биржи в Яргороде. Обрато он вернулся на следующий день поездом через Никодимов, имея комиссионных семьсот долларов.

До конца отпуска Коробейников съездил еще раз в столицу, всего на три часа. Запрет прапорщика не нарушил, не напился. Грамма в рот не взял. Слетал самолетом в Ставрополь. Передал встречавшему подполковнику ВВС заученную наизусть шифровку из двадцати девяти цифр и прописных букв.

Вопросов рядовой Коробейников Стебелькову более не задавал. В значке под сосной за периметром военного городка у него образовалось уже четыре штуки баксов. К сожалению, тратить первый в его жизни капитал Стебельков запретил до самой демобилизации.

И потянулись напряженные будни службы Александра Коробейникова двум хозяевам. Во-первых, – Капитану Оладьеву. Весьма свойскому командиру отдельной караульной роты. Рота капитана охраняла склады и периметр из многорядной колючей проволоки Центрального хранилища текущего боепитания Окружного склада боеприпасов Д-150708. Во-вторых Коробейников продолжал служить лично старшему кладовщику Центрального хранилища старшему прапорщику Стебелькову Анатолию Кондратьевичу. Кстати, главным кладовщиком Стебельков стал в результате успешной поездки Коробейникова в Ставрополь.

К осени, показалось, Стебельков стал терять интерес к Коробейникову. Конец лета и почти всю осень на двух груженых спецмашинах под охраной автоматчиков прапорщик мотался по дивизиям, выведенным из Чечни. Александр смекнул это дело. Снабжением боеприпасами и стрелковым оружием пограничные дивизии Окружной склад Д-150708 не занимался. Не иначе как Прапорщик вышел на оперативный простор и разворачивает свои делишки по крупному. Несуны для мелких поставок, вроде Коробейникова, прапорщику более не требовались. Александр пожалел было, что его значка под сосной больше не увеличивалась.

Все изменилось 14 ноября. Рядовой Коробейников готовился заступить на пост номер четыре возле склада номер пять. Самого крайнего на территории Центрального хранилища, бок о бок с кладбищем. Это был металлический ангар с полукруглой крышей. Тамбура перед

воротами эта железная машина не имела и прикорнуть минут на шестьдесят часовому там было негде. Даже угла не было там, где бы можно было спрятаться от ветра. Да еще где-то сверху оторвался проржавевший лист кровли.. Так что при ветреной погоде, да еще дождливой ночью, этот лист скрежетал так, что зубы начинало сводить. Не любили часовые склад номер четыре. Зато Стебельков крутился там почти весь день.

Александр догадывался, что на пятом складе хранилась взрывчатка для полигонных учений саперов. Расфасован тротил был шашками и брусками весом по двести и пятьсот грамм. Имелось в зарядах тротила и углубление для детонатора, что было очень удобно при глушении рыбы.

Ротный предупредил караулы, что на периметр после обеда гробанулась с кладбища здоровенная береза. Сигнализация повреждена, починят только завтра с утра. Так что, караул нести потребовал с удвоенной бдительностью. Бойцы выслушали эту новость и приуныли. Ночью без сигнализации чувствуешь себя таким беззащитным. Тут уж не покимаришь. Таращись в оба. А вокруг лес, мрак. А в лесу гул, а в лесу шорохи и трески... Жуть, хоть и с автоматом стоишь.

Один рядовой Коробейников с удовольствием готовился в 18 нуль-нуль заступить на гробаный пост номер четыре. Он надеялся застать кладовщика на складе. Если не Стебелькова, то его заместителя. А как же! Комвзвода лейтенант Причельников, с виду совсем еще пацан, убывал в первый свой отпуск. На Херсонщину. Он попросил Александра, выморщить у кладовщика пору-тройку брусков тротила. Порыбачить в лимане. Взамен обещал литр пойла и два электродетонатора.

Коробейников навернул уже теплые портянки, а тут – бац, – залетает в казарму Стебельков и напрямиком к ротному. Шур-шур, шур-шур и накрылся колым Коробейникова. Перенарядили его аж на два часа ночи. А ночь-то осенняя, дождичок накапывает. Дым из трубы котельной – лежмя лежит. Непогода, слякотно, может и снег пойти...

Пошел Коробейников оправиться в сортир и этот гад Стебельков прошмыгнул туда же. Осмотрел кабинки. Сует в руку две пачки горбатых, т.е. Кэмел и подмигивает.

– Покажь часы. Ого, золотые!

– Подарок Ариадны.

– Жалко девку. Земля ей пухом... Ты это, давай сверим часы... По моим.

– Но у меня точняк. За месяц набежало всего десять секунд.

– Не возникай, хлопец, тебе говорят. Ставь по моим и запоминай раскладуху. В два тридцать оставишь пост номер четыре пойдешь на пост номер шесть. Там будет стоять Ефимычев. Он начнет возникать, но ты загрузи его. Дай закурить. Про девок побазарь. То да се. Кровь из носа, – тебя не должно быть на посту полчаса. Заруби – не меньше полчаса. И больше полчаса не трепись, чтобы не вызвать подозрений.

После наряда возле каптерки Ахримчука, найдешь в шкафу с огнетушителями четушку и воблину! Бабки через два дня. Кусок зеленью. Нормально? Нормально... Ефимычева не пои. Воще это говно парень. Усек? Да, я у Катьки гужуюсь сегодня. Сунешься под свой грибок раньше – сливу в башку схлопочешь. Честно тебя предупреждаю... Служи хорошо, солдат!

И слинял прапор, юркий как дьявол.

Ливень хлынул еще когда не ушел разводящий. Стал он под грибок и курит, сука, и курит. Надеется переждать дождь. Уж десять минут третьего. А он запалил вторую сигаретку. Последнюю. Пачку выбросил и курит, курит... Лес гудит. Уж и голоса в чаще чудятся... Грибок просматривается со всех сторон. Что если заметят гости разводящего, подумают подставил их часовой. Могут психануть и перестреляют караул как щенят.

Ах, мать твою!.. Свои докурил разводящий, стал просить у часового.

– Свои надо иметь! – Громко сказал Коробейников, давая вору понять, что не виноват он в задержке разводящего.

– Ты на кого дронишь, салажонок! – рявкнул разводящий. – Вот сейчас сворочу грызло набок! Ты у меня побазаришь!

Показал разводящий волосатый кулачище и зачавкал хромовыми сапожками по раскисшей глине. Ровно в два тридцать рванул Коробейников из-под своего грибка под ливень ... Но не побежал на шестой пост к Ефимычеву. За угол ангара стал прижался к рифленой стене.

А лес гудит! В слабом свете фонарей надгробные пирамидки афганцев белеют! И тени, тени, тени!... А железяка на крыше так ухаёт, так и скребет, так и рвет душу дьявольским скрежетом. Ха! Чо за дела!? Прощлую ночь фонари сияли как прожектора, а сейчас едва тлели. Предусмотрительный этот прапор. Все он может. Неужто и с подстанцией договорился, козел бодучий.

Ага! А вот и Они! Коробейников по привычке сорвал с плеча автомат, присел на колено... Локтем уперся... Передернул затвор... Дурак! Едва не заорал: Стой кто идет! С кладбища, не таясь, видать не впервой, к ограждению приблизились четверо. Один остался на стреме, трое без помех проникли на охраняемую территорию военного объекта. Была ли колючка перерезана заранее, или колья расшатаны так что проволока провисла, – пусть особы разбираются.

Гости отогнули в стене нижний лист обшивки и закипел конвейер. Ящики так и замелькали в руках грабителей военного имущества... Но что это? Ящики для тротильных шашек Коробейников хорошо знал. Но таскали не только такие ящики. Были и ящики поменьше, в каких патроны хранятся. Ну дает Стебельков! Вместе с тротилом патроны хранит! Ну дает! Сколько же он их натырил!?

Коробейников под плащ-палаткой посветил зажигалкой на часы. Дурак! Забыл про алиби! Забыл зарегистрироваться на шестом посту у Ефимычева. Коробейников втоптал в грязь газовую зажигалку...

Насвистывая, Коробейников притащился на шестой пост без двадцати три.

– Стой кто идет! – шутливо вякнул Ефимычев, до корки соблюдая инструкцию.

– Да пошел ты, Фима! – огрызнулся Коробейников. – Зажигалку потерял...

– Гони сигарету, а то не пуцу под грибок.

Ох, как же тяжело было мусолить байки про баб с этим занудой Ефимычевым – целых тридцать пять минут. Но чего не сделаешь ради косыря, да еще в валюте.

Под своим грибком номер четыре Коробейников нашел бутылку Столичной и ломоть любительской колбасы.

– Пронесло, – прошептал Коробейников и немедленно сорвал с бутылки алюминиевую шляпку.

Пить он начал сразу. Из горла. Водка катилась в нутро как божья роса. Ни запаха, ни крепости Коробейников не ощущал. Обычно стакана было достаточно, чтобы основательно захорошеть... А тут! Мать твою! Он выдул полкило водяры и хоть бы х-й! Колбасу, знать, поваляли в грязи, на зубах скрипел песок, но Коробейников яростно вгрызался в батон, словно голодал дня три...

Через сутки, еще не сыграли в казарме подъем, а рядовых Коробейникова и Ефимычева выдернули в особый отдел на дознание. И началось! Начальства наехало! Контрразведка и прокуратура стали на уши! Обоих солдат, порознь прессовали на допросах по два раза в сутки.

Кошмарная неделя, казалось, никогда не кончится. Караульная рота гудела как закипающий котел. Казарма не верила в виновность своих товарищей. Ефимычев так воше обрел славу мученика. Он был настолько честен, что не боялся качать солдатские права даже перед рыжим старшиной Кротовым. А Кротов был – зверь. Этот держиморда даже старослужащему сержанту мог на за что врезать по сопатке. Солдаты катили бочку на офицеров. Солдаты глаголили, что офицерье роты решило на рядовых отыграться за свою нерадивость по службе.

Считалось однозначным, что месяц, а то и больше, об увольнительных Ефимычев и Коробейников могли и не мечтать.

Однако, казарма ошиблась. На восьмой день, в субботу, Ефимычева и Коробейникова не только не потащили на допрос, но отделенный Кротов обоим провинившихся включил в список группы солдат, получивших увольнение в город. Для группы даже были приобретены билеты в заезжий зооцирк.

Коробейников был так измучен страхом, казалось, неминуемого разоблачения, что решил никуда не дергаться, отоспаться. Ну, может быть, смотаться на часок в поселок, к ветеринарше. Если появится четкое желание трахнуть. Понятно, лучший способ справиться со страхом – надраться до потери пульса, но в его положении подследственного это было безумием.

Такая апатия скрутила Коробейникова – хоть вой. Может быть, он догуливает на свободе последний выходной. И завыл бы солдат от полной неизвестности завтрашнего дня, если бы было где уединиться. Как ни прятал голову под подушку – не спалось. И на бабу определенно не стояло.

С тоски придрался Коробейников к салаге Назаметдинову, только что вернувшемуся с караула. Этот татарин частенько бормотал что-то во сне по-басурмански. А после горохового супа надменно и шумно пускал ветры. Да такие смрадные ветры, что Коробейников, спавший после разжалования на втором этаже койки, просыпался среди ночи. А тут еще вонючие портянки повесил на батарею сушить, хотя старшина запрещал это. Их пора стирать, а он...

– Магомет, а ну, пойдем выйдем! – Лениво приказал старослужащий Коробейников салаге татарину.

И пошел, не оглядываясь, прочь из казармы, уверенный, что басурманин безропотно последует за ним.

Назаметдинов действительно последовал за хмурым Стариком в умывальню. Он был ученой салагой. Не успел Коробейников размахнуться, как Назаметдинов выхватил черную заточку, сделанную из шомпола и ринулся в атаку. Озадаченный Коробейников отступил, да не удачно. Он плюхнулся задницей в липкую от соплей раковину умывальника. Раковина с грохотом обвалилась. По кафельному полу заскакали фаянсовые обломки раковины...

Назаметдинов оскалил желтые редкие зубы. Он издевательски смеялся над конфузом старослужащего солдата. Назаметдинов нагло попирает законы казармы! Назаметдинов поднял руку на Старика! На ветерана роты!

Как рукой сняло с Коробейникова наваждение апатии. В следующее мгновение острый кусок фаянса взметнулся с пола и врезался татарину в зубы. Еще мгновение и беззащитный салага, зажавший ладонями лицо, схлопотал сапогом по яйцам и отлетел в угол умывальни, где побратался с загаженной урной.

Александр подобрал с пола заточенный шомпол. Серебристый заточенный клювик был еще и любовно отполирован. Нужная вещь, – подумал Коробейников и опустил заточку в карман камуфляжных штанов. Закурил сел на подоконник. Он более не испытывал злости и снова заскучал. Он смотрел как татарин отмывает разбитые губы и пытался вспомнить за что разозлился на салагу. Не вспомнил. Но за что-то же разозлился! Проклятье! Чем-то же провинился этот наглец! Чем? Вот чем?

– Мужик! – Александр похлопал Назаметдинова по согнутой на раковинной спине...

– Я тебя зарэжу ночью! – прорычал татарин, разглядывая на ладони собранные обломки зубов.

– Мужик, кончай базлать. Приберешься тут, понял. Старшине скажешь – ты раковину разбил. А спать будешь теперь на верхней полке.

И тут Коробейников вспомнил, что еще месяц назад у Ефимычева пропал шомпол от автомата.

– Слышь, чурка! А это не все! Тебе еще перепадет от Фимы за шомпол! – Коробейников дал татарину пенделя под зад и поплелся переселяться с верхотуры на нижнюю койку. Не великое утешение, но все-таки.

– Коробейников! Подь к телефону! – зычно позвал дневальный.

Александр не спеша перебрал матрас Назаметдинова наверх, щегольски заправил свою постель и только тогда двинулся к телефону...

– Ой и схлопочешь ты, Коробейников, по шее! – потер руки дневальный.

Прапорщик Стебельков приказал немедленно одеться и отбыть в город со служебным автобусом, везущим бухгалтершу в Сбербанк.

– Жди на КПП. Ко мне не подсаживайся. Подойдешь в привокзальный ресторан Дубрава к шестнадцати часам. – Добавил Стебельков и бросил трубку.

Когда Александр появился в ресторане Дубрава, его уже ждали. Стебельков и особист, капитан Щербицкий Леонид Леонидович, заканчивали обед в отдельной кабинке ресторана. Оба в модных шерстяных костюмах. Прислуживала им сама "метрдетельша", великозадастая и низкорослая молодая баба Танька, увешанная золотом и бирюзой.

– Лапочка! – Выглянув из кабинета, Стебельков щелкнул длинными красными пальцами.

Когда подплыла Танька, прапорщик уткнулся носом в прорезь меж ее груди, напоминающих выставленную напоказ жирную жопу, и пожаловался плаксиво:

– Вот так бы и закимарил у тебя в запазухе вечным сном любви.

– Толик, не волну женщину! Я на работе! – Пискнула Танька, игриво встряхивая напудренный бюст.

– Ну, тогда тарань еще кило Столичной и солянку с антрекотом вот для этого хлопца. Отличный воин! Сашок, поздравкайся с Танюсей.

– А этого товарища ты знаешь, Сашок. – Стебельков панибратски хлопнул собутыльника по спине. – Что, круто? Не ожидал встретиться с особистом в кабаке!? – Стебельков явно начинал бахвалиться своей крутизной. – Не журысь, хлопец, этот особняк – прошел афган и Чечню. Он тя насквозь видит!

Стебельков молотил, молотил не унимаясь. И удивительно, – все по делу. Особняк Леонид Леонидович слушал его пьяный треп внимательно, даже, казалось, с уважением. Но вот что связывало продувного ворюгу прапорщика и засекреченного капитана? Вот какие-такие делишки? НЕ удивительно, что Стебельков сумел забашлять военного прокурора, но вот как он умудрился зацепить контрразведчика? Да кто он такой, этот не шибко грамотный кладовщик!?

На посошок заказали еще по двести Смирновской, еще по стопятьдесят Зубровки. Стебельков сунул Таньке в лифчик полтинник баксов и задернул шторы на дверях кабинки.

– Ну, Леонид Леонидович, ты присмотрелся к Саньке? Убедился, что Сашок свой человек? – Едва заметно растягивая слова начал, наконец, Стебельков базар о том для чего затеял крутую пьянку.

Щербицкий подмигнул Коробейникову ясным, совершенно трезвым глазом сокола и ничего не ответил. У Коробейникова молчавшего весь обед, защемило в яйцах от предчувствия, что спьяну дурак Стебельков набазарит лишнего и только усугубит его положение подследственного.

– Да ты, особняк, не межуйся, тебе говорят. Можешь верить Коробку, как мне. Хо-о-роший парень! Надо отмазать. Зачем малого топить в зону. Ему же червонец светит, сам понимаешь! Он нам вот как еще пригодится. – Прапор провел ладонью по горлу. – Проверенный хлопец! Да ты сам знаешь...

– Сделаем, – рассеянно кивнул капитан, лишь бы отвязаться. Он подмигнул Коробейникову, достал спичку, расщепил ее крупными ржавыми зубами и с хитрой улыбкой заводного хохмача стал ковыряться в зубах.

– Не понял, – настаивал Стебельков. – Это же ценный кадр, не какое-нибудь фуфло! Анкета чистейшая, характер решительный. Да он...

– Кончай, Толян, бухтеть. – Неискренне засмеялся особист. – Я сказал: будем работать в этом направлении.

– Ты чему это смеешься!? Не крути, капитан! Ты же обещал! – От волнения, Стебельков побледнел и насупил брови.

По всему было видно, – прапорщик не боится особиста. Особняк, наоборот, заинтересован в чем-то, что зависит от Стебелькова. Заинтересован, но ему эта заинтересованность не в жилу. Он дразнит прапорщика, компенсируя свою зависимость маленькой мезью.

– Сашок, а ну, поди, выди в сортир. Чапай совет держать будет. – Хмуρο повелел Стебельков, возмущенный подъябкой самолюбивого капитана.

Коробейников горстями остервенело плескал ледяную воду в свою красную рожу. Он казался себе таким же трезвым, как и капитан-особняк. Его лихорадило. В скорое освобождение от страха разоблачения и верилось, и не верилось. Равновесие надежды и отчаяния было таким шатким. Вот почему капитан подмигивал? Зря, зря заводится Стебельков. Не надо особиста припирать к стенке, если даже есть чем... Любое неосторожное слово наглого прапорщика может легко качнуть весы удачи и в ту, и в обратную сторону.

Вернувшись в кабинку, Коробейников нашел там лишь объедки пиршества. Сердце его покатилося в низ живота. Он бросился на привокзальную площадь. Стеба и Щербицкий торговались с единственным на всю площадь такси. Пока Коробейников бежал, такси отчалило. Стебельков вслед ему насмешливо отдал честь и помахал рукой.

– Слиял, Кукуха! Ну, подлюга. Распиздай с Покровки, не захотел в часть возвращаться на автобусе. Катку пришлось отвалить рябухе. Ну, ничего, будем помнить... Я этого таксера как облупленного знаю. Не верю, что такой центральной урка и завязал. Видал на пятерне татуировку? Как же, три кольца, – три ходки в зону. Ничего, по одной земле ходим. Сковырнется и этот...

Стебельков обнял Коробейникова за плечи.

– А мы с тобой продолжим.

– А кто это Кукуха? – Спросил недоумевающий Коробейников.

– Так Особняк же наш. Капитан! Распиздай! Он классно имитирует голоса птиц. Даже по радио его записывали. Вот и Кукуха. Ну, да и хер бы с ним. Пошли опять в Дубраву. Теперь ты ставишь. Я, блин, должен сегодня засадить Таньке! Ну, сука! По самый по локоть! Вот кто барается клево! Я тащусь! Можем и вдвоем поехать. Отхарим в два свистка! Хочешь Таньку? Хочешь, сразу видно! Но только после меня...

В Дубраве Стеба сначала поблевал в туалете, а затем они снова заняли отдельную кабинку. Едва к ним вошла многозначительно улыбающаяся Танька, позеленевший с перепою прапор тут же стал стаскивать с нее трусы. Танька что-то шепнула ему на ухо, и прапорщик весело хлопнул в ладоши!

– Ну, девка, ну, ты даешь! Сашка не против! Звони твоей подруге и помчались к ней на хату...

– Я пас, товарищ старший прапорщик. Не до баб мне. Зона ждет, какие тут бабы... – Промямлил с досадой Коробейников.

– Отставить, рядовой Коробейников. Кукуха скорей сам сядет... Гуляй, я сегодня добрый!

Танька принесла два по двести водяры, по бутерброду с икрой и побежала переодеваться. Стебельков в муках заталкивал в себя пойло, но водка валом мерла обратно. Испоганив водяру в стакане отрыжкой, прапорщик решил передохнуть и откинулся в кресле. Он закрыл глаза. Красные прозрачные веки на зеленом лице алкаша производили зловещее впечатление. Александр стал подумывать как бы отмазаться от прапора и свинтить в казарму. Наблюдая торг

прапора и особиста за свободу его, Коробейников так испереживался, что не нужны ему были девки, не хотелось даже нарезать до усрачки...

И тут Стебельков открыл глаза. Зрачки его были расширены до предела. Он достал косячок, беломорину, набитую анашой, судорожно затынул пару раз. Его скрутила судорога, он грохнулся с кресла под стол. Подбежала Танька со стаканом кефира.

– Ну, чо Саша, моргаешь. – Кокетливо улыбнулась Танька. – Струхнул малость? Толян сейчас оклемается. Нет вопросов! Давай вытаскивай своего друга из-под стола, а то он там до утра дрыхнуть будет. Отпаивать будем Анатолия кефирчиком. Не в первой. Держи стакан.

Танька прижала плоскую грудку Стебы своими грудями к спинке кресла и, вцепившись короткими пальцами в синие губы Стебы, разодрала ему пасть.

– Сашка, давай лей кефир в глотку! – Вскрикнула Танька, запыхавшись. – Лей, тебе говорят, пока держу, а то этот крокодил мне пальцы отхватит!

Прапорщик проглотил кефир и тут же схватился за живот. Мелко семена надраенными до блеска сапогами, Стебельков умчался в туалет. Танька достал из-под увесистых грудей кружевной платочек. Утерла с пухлого личика пот, вместе с пудрой. По хозяйски оглядела шею, плечи и руки Коробейникова.

– А ты в форме, солдатик. Толян тебе говорил, что подруга моя Лиза бесплатно не дает? Ты очень ее хочешь? И денежка у тебя имеется?

– Все имеется, – достаточно грубо оборвал Коробейников Таньку.

– С Тольки теперь мало толку. Мужчина он ого-го, но лишь когда примет на грудь не больше пол-лиры. А? Солдатик? Зачем нам Лизка? Поедем Ко мне втроем. Тольку уложим баиньки. Пусть проспится. Он в обиде не будет. Зачем тебе денежку тратить?

От прищуренных насмешливых глазок Таньки, Коробейникову стало муторно. Он считал, что ни одна женщина больше никогда не застанет его врасплох, никогда не смутит. И на тебе. Стоило Таньке посмеяться над бедностью солдата...

Блин, а глазки у Таньки совсем не блядские. Жиром заплывшие, но умные и насмешливые глазки хитрили так простодушно, что хотелось потискать эту жирную бабу... Или хотя бы хлопнуть по заднице и сказать от всей души: "Какая же ты, Танька, оторва"!

Сашка через силу улыбнулся толстушке.

– Ну, чо ты такой смурной, в самом деле? Ну, чо ты сдулся совсем? Кто тебя обидел? – Жалостливо спросила Танька. – Надоела служба? Понятно, домой хочется солдатiku. А у меня уютная квартирка... Тебе понравится...

– Нет у меня дома, – вдруг признался Коробейников. – Турнул меня батяня пинками.

– Алкаш, поди, твой старикан? – Татьяна задернула шторы плотнее и присела к Сашке на колени.

Она была вовсе не тяжелой. И телеса богатые ее были вовсе не кисельными.

– Ого! Что это за червячок у тебя в штанах зашевелился! – Татьяна ловко добралась до бивня солдата и стала крепко его стискивать. Она облизнула губы. Александр обнял ее. Но она ловко выскользнула из объятий.

– Ты посиди тут. Я Лизавете кину сотню, чтобы она Толика отвезла в часть. А то будет колобродить, только испортит нам кайф. Он сделает все, что я скажу. Ведь это он тебе устроил сегодня увольнительную. Он тебя у ротного до утра отпросит. Посиди, пивка попей, побалдей полчаса и поедем. Может быть, тебе вместо водочки коньячку подать?

Боже! Ну что за люди, эти бабы! Мертвого из могилы поднимут, если им очень приспичит. Ну, бабы! И страх сгинул, как наваждение! Коробейников протянул Таньке три десятка баксов. Звучно хлопнул Таньку по заднице.

– Неси шампанского, хозяйка!

Сказал эту затасканную глупость и почувствовал себя хозяином кабинета, где сейчас начнется на радостях такая попойка, что Никодимов вздрогнет.

Припелся Стебельков. Весь скрюченный. Почерневший.

– Язва, сука, проснулась. – Сказал Стебельков. – Ты это, поезжай к Таньке без меня. Я обо всем договорился, за все уплачено. Денег не давай. Особенно баксов не показывай. Танька телка центровая, но на зелень слаба... Напоят тебя со старухой самогонкой на карбиде и приставят ноги твоим баксам.

– Товарищ прапорщик, вам же плохо. А, может, я отвезу вас в санчасть? Найду частника. Бабки у меня есть.

– Не рыпайся, хлопец. Хватит базарить: товарищ, товарищ. Вор вору – не товарищ, а подельник. Какой х-й я тебе товарищ? Не усек еще? Подельники мы, хлопец! Все мы, бля, подельники. Зови меня Толян. Кликуха у меня Стеба или Стебанутый.

– Вас в санчасть надо с язвой-то?

– Заколебал, Санек! Кончай базар! Что говорю, то и делай. Таньку нельзя лажать, она мне нужна! Обслужишь по первому разряду! Прикольная телка! Вот увидишь. Очень пробивной бабец! У меня все схвачено, за все заплачено. Лизка меня отвезет в конюшню. А ты, хлопец, будь на вокзале в шесть утра. Торгошин привезет на вокзал зам. нач. штаба. Обрато тебя захватит. Классно оттянешься, хлопец.

– Анатолий Кондратьевич, зачем гусей дразнить. А если кто настучит особнякам, что я не ночевал в казарме.

– Не твою ума это дело. Усек? Все пучком, хлопец. Ты, главное, приготовь завтра штуку зеленых. Вечером я сам лично передам капитану. Говорю же, отмазали тебя. Гуляй, Вася!

Самогонку, что налила ему Танька, прежде чем лечь под него, Коробейников выплеснул под кровать. Толстуха действительно трахалась классно. Она проделала все известные приемычки возбуждения мужчины.

Хотя перегородки спальни были дощатыми, как все в частном домике ее матери, Александр освоился в постели Таньки быстро. Никогда еще он не переживал наслаждения такой глубины. Как же удивительно сказывались резкие перепады настроения от страха перед тюргой до хлесткой радости нового обретения Свободы. Свободный, он совершенно не чувствовал опустошения. Все что замерзло в нем за последние дни под угрозой разоблачения, постепенно оттаяло. Он готов был провести в широкой мягкой постели Таньки хоть целую неделю безвылазно.

А еще Танька была чудной слушательницей. Она так правдоподобно сопереживала, оформляя исповедь обалдевшего мужика тягучими вздохами и охами. Сонная, она так ласково поглаживала пухлявой ручонкой самые чувствительные эрогенные зоны самца, начиная с макушки и кончая щиколотками. У ласки ее было нечто материнское. Танька сама балдела от своей нежности, да она просто торчала от своих заворачивающих прикосновений. И Коробейников к рассвету разговорился.

Поведал Александр мурлыкающей сонной бляди и о своей детской любви к ваятельнице Серафиме. Как же она терзала его от ревности и ненасытности. Рассказал, как его совращали и обучали развратному сексу знакомые Серафимы. Как поили его и Серафиму мужики-художники, чтобы понаблюдать, как ошалевший пацаненок лез под столом к Серафиме под юбку. Специально для спектакля надетую. А под юбкой не было трусов. А колени пьяной Серафимы мазали горчицей. И все дружно хохотали, когда мальчишка плевался и чихал, слизнув приправу поносного цвета.

Не забыл туманно упомянуть и про Ариадну. Описал Коробейников, как недавно чуть не убил из ревности чужую жену. Расчувствовавшись, немного присочинил: мол, ревнивый супруг палил в него из пистолета. И сколько за свою короткую жизнь поломал целок – признался, не преувеличивая...

– Я знаю чего хочу! – В итоге исповеди таинственным шепотом заявил бухой Коробейников. – Точняк! Я знаю точно чего хочу!

– Кончай мозги пудрить! – Фыркнула насмешливо Танька. – Каждый мужик хочет иметь много женщин! Сашулечка, роденький, успокойся. Всех нас ты все равно не перетрахаешь. Хотя настоящий мужчина должен к этому стремиться изо всех сил.

– Не хило сказано! Я тащусь от тебя Татьяна. Вот бы товарищу А. С. Пушкину подвернулась такая продвинутая телка! А? Прикол! А? Тезка мой! Такой кучерявый еб...рь! А девки какие тогда были? Фуфло! Можно посочувствовать мужику. Ты ее – цап, цап, куда пониже! А барышня, блин, кружевная, – бац, и в обморок...

– А то, Сашуля!

Лишь о случке своей с родной сестрой Александр утаил. Но Танька была действительно не промах. Пьяная, сонная, а не забыла спросить:

– Сашенька, а из дома тебя за что прогнали?

– Да так, мура какая-то...

Коробейников посмотрел на часы. Ни с того, ни с сего разозлился на свою болтливость. Перекатился через теплую сладкую блядежку и стал одеваться к отбытию в свою часть.

" Не пей, не пей, дурак! Если не умеешь! – клял себя Коробейников впритруску поспешая с дальней окраины городка к автовокзалу. Ну, зачем, идиот, разбудил видение Серафимы, имевшее над душой такую странную власть. Давно пора поставить крест на Симке. И воще, разве можно с блядьми откровенничать о своей любви? Любовь моя Симке была так нужна, что она испугалась за себя...

Серафима боялась своих чувств, потому что знала как недолговечна зачаточная "любовь" мальчишки. Серафима не дура, сделала все, чтобы обезопасить себя от привычки к несладким мумуканиям мальчишки о любви. Словам, позаимствованным из кино и книжек. Все было сделано, чтобы извратить чувства пацана до того, как он бросит ее наедине со своей старостью.

Да уж! Ничего не скажешь! Это было время жестоких переживаний. На беспощадность женщины хотелось ответить тем же, но он не умел еще обращаться со своей привлекательностью как охотник с силком, как бандит с удавкой... Неумение отомстить только сильнее подчеркивало его зависимость от опытной, властолюбивой сексторпеды. Он из кожи вон лез, доказывая, что не заслуживает издевательств Серафимы... Но жалость для нее была страшней чумы и отношения их еще больше запутывались.

Какое счастье, что с этим покончено. Сейчас я могу Любой бабой вертеть как хочу. И Танька – не исключение. Какой бы пройдохой она не была, я возьму от нее что мне нужно, но ей самой ничего не обломится. Перепихнулись и никаких воспоминаний.

Волги начальника окружного склад у вокзала не было. У палатки пил баночное пиво прапарщик Стебельков.

– Как ваша язва, товарищ старший прапорщик? – Александр козырнул и впервые осмелился протянуть старшему прапорщику руку.

– Какая там язва! – Прапарщик как должное осуществил с солдатом первое панибратское рукопожатие. Это что-то значило. – С какого, блин, х-я?

– Да вы вчера кефир пили... – Смутился слегка рядовой Александр Коробейников, искательно вглядываясь в серое лошадиное лицо младшего командира. Уж не допустил ли он какую вольность в обращении со старшим по званию?

– Ты это брось, Коробейников, свои подначки. Какой кефир!? Водку мы глушили. И запомни, старший прапарщик Стебельков ничего никогда не забывает!

– Так точно, товарищ старший прапарщик!

– То-то. Вольно, Коробейников. Слухай сюда. Специально приехал от Лизки сюда пораньше, предупредить тебя, Коробейников. Сегодня тебя Щербицкий будет кадрить. Так ты не сопротивляйся. Особняк всегда так делает, если солдат где-нибудь по дурости прокинет. Так что я разрешаю, пусть он тебя заагентуривает. Ничего не бойся. Я подскажу что стучать... Ха, ты понял? Мы Щербицкому подставили полковника Дольникова, Начальника

склада в Бувеске, а Щербицкий взял на лапу пять штук и прикрыл дело. А там хапнули ого-го! Зараз сотню стволов АК -47 и патронов полсотни цинков. Я только намекнул и капитан спекся. Так что не дрейфь. Потом мне все подробно доложишь? Усек, стукач? Мы тоже забашляем особняка.

– Так точно, товарищ прапарщик!

– Ладно, кончай козырять! Зови меня Толян. Нам еще долго чалиться. Ну, а теперь, Коробейников, заглянь в свой кошелек.

– А что? – Удивился Коробейников.

– А то! Есть кошелек, спрашивают тебя?

– Вот, смотрите. – Коробейников протянул Стебелькову тощий пластиковый кошелек на защелке. Бедняцкий кошелек. Без отделений.

– Сколько было вчера бабок?

– Сто долларов десятками и пятерками.

– Ну и лоханулся ты, хлопец! Я предупреждал! Тут осталось сдачи три червонца бумажками и пятерка железными рублями!

– Да и хер с ними, – щегольнул беспечностью Коробейников.

– Значит так. Таньке, если конечно она заслужила, достаточно тридцатки. Остальное получишь обратно в рублевом эквиваленте. Это я тебе гарантирую.

– Заработала Танька, не надо мне сдачи. – Все хорохорился Коробейников.

– Это не твое дело. Не сбивай офицерам цены на блядей. Эти твари дают под завязку и за десятку, если зелеными. Такса, твердая такса существует у нас за поебок, хлопец. А теперь бери мне пузырь на похмелку. А то я последние деревянные Лизавете в трусы спустил.

– А закусон, Анатолий Кондратьевич? – нарочито угодливо проговорил Коробейников.

– Ну, это, – задумался Стебельков с трудом что-то припоминая. – Ты это, возьми шоколадку мне. А сам пожуй чайку, чтобы старшину отделения не напугать. Кстати, а что это ты жмешься поставить Кротову пузырь? Кому так помогаешь родича пристроить в Москве, а старшину обижаешь? Не правильно это, рядовой Коробейников! Ха-ха-ха!

– Так он на меня зверем смотрит!

– Ну, ты воще, блин! Кино про Шурика смотрел? То-то! С людьми надо помягше, Коробейников. Ты еще плохо разбираешься в людях, Сашок. Старшина Кротов – тоже человек. Он бы мог тебе попортить кровь за плохое несение службы по охране ценного военного объекта, но не попортил. Ценить надо своего старшину, солдат.

– Будет сделано, Анатолий Кондратьич. – Заверил дурашливо Коробейников. – Было бы сказано! Старшину мы мигом забашляем.

– И смотри, хлопец, у меня! Предупреждаю в последний раз! Долларов больше с собой не носи. А то девки наведут на тебя кидал. Загремишь под фанфары. Солдат воще не должен бабам платить. Оттягивай их задаром! Все учить вас, салаг, надо! Харево это главное бабское счастье, а за счастье пусть платит натурой! Усек, солдат!? Счас подскочит Волжанка, попылим домой!

Стебельков отпил из горла чуть не полбутыля водки. Прислушался к чему-то в себе. Промолвил со значением.

– Все пучком. Правильно легла, родимая. Жить будем.

На КПП очень молодая женщина в трауре, с большой черной сумкой Пума, ждала обратного рейсового автобуса в Никодимов.

– Женка лейтенанта Причельникова поехала хоронить своего мужика, – сообщил водила Волжанки последнюю новость городка. Он остановился вплотную к зеленым воротам КПП с красной метровой звездой на каждой створке. Посигналил длинным требовательным гудком. Но с КПП никто не выглянул.

– Какие еще похороны? – Переспросил Стебельков. – Причельников же только – только убыл в отпуск?

– Позвонила свекруха. Разорвало мужика. Нашли одни резиновые сапоги с пятками. Поехал он с отцом на рыбалку... Так у батьки от контузии язык отнялся. Ротный капитан Оладьев перезвонил в Херсон, так сказали рвануло прямо в руках у лейтенанта. Глушанул мужик рыбешку. Взрыв получился с тротиловым эквивалентом побольше кило. А мы тут на складах сидим, как на бомбе с тротиловым эквивалентом в тыщу железнодорожных вагонов. От нас и сапог не останется. Увольняться надо, говорит моя баба. А то на Дальнем Востоке уже рвануло! И не раз! На Урале весной рвануло сто вагонов реактивных снарядов!

– Ни хрена себе заявочка! – процедил сквозь зубы Стебельков. – С одним ЧП еще не расхлебались, теперь вот Причельников свинью подложил.

– Да что они там не чухаются! – Водила лениво надавил сигнал и гудел пока Стебельков не ударил его по руке.

– У-у-у, мудила грешная! – Завыл, схватившись за голову прапорщик Стебельков. – Начнется новое расследование! Не умеешь обращаться с тротилом – не трогай!

– Так они же все специалисты! – Водила в сердцах сплюнул в открытое окно Волжанки. – Как же! Училища, академии покончали, а подлиннее кусок бикфордова шнура отрезать пожадничал. Понятно, на коротком отрезке шнура получился проскок огня...

– Ну чего стал. Поезжай до штаба! – Снова застонал Стебельков.

– А ты, Стебельков, пойдешь, башкой ударь в ворота, может услышат. – Насмешливо посоветовал водила.

– Да и зачем ему понадобилось бросать в речку сразу кило! – Причитал в отчаянии Стебельков. – Для рыбы, если не очень глубоко, самый аккрупат – шашка двести грамм. Может, хоть что-нибудь бы у лейтенанта уцелело. Ну руки оторвало. Может, глаза бы повыбивало, а жив бы остался лейтенант!

– Не рассчитал парень. Это дело такое. Всяк имеет свой эквивалент! – Глубокомысленно молвил водила, смакуя мудреное заграничное словцо. – Я сапером скалы рвал в Армении. Так там за стограммовую шашку давали литр виноградной чачи! И за патрон аммонита только стакан. Не тот эквивалент. Тротил сильнее в два раза и сырости не боится, как аммонит. Я так никогда не глушил форель аммонитом. Это ж эрзац. Ай, славная чача у армяшек! Вот тебе и тротиловый эквивалент чачи, – сто грамчиков на литр! Этот эквивалент есть для всех. Телеграфный столб свалить или там сваю деревянного моста – сто грамм хватит. Вот мина противопехотка образца 1957 года – там заряд триста грамм.

– Какое там триста! Для человека этого гребаного тротилового эквивалента хватит и пятьдесят грамм, чтобы башку разнесло, или ногу оторвало.

– Так то ж мина, взрывается в ногах! Полсотни грамм – маловато. Обе ноги не оторвет. Вот триста грамм в самый раз. И долбанет как надо, и солдат жив. Я учился в полковой школе взрывников на отлично... Я знаю...

И Коробейникова заворожили зловещие рассуждения о тротиловом эквиваленте. Каждый день он топчется возле своей смерти, охраняя склады. Да еще курит, нарушая инструкцию. А если какой балбес забудет погасить окурок... Да если бы он знал, что будет охранять пороховую бочку с тротиловым эквивалентом в тысячу вагонов тротила, если не врет водила! Да он бы лучше пошел в дисбат за самострел, чем топтаться около складов. Но теперь поздно паниковать. Надо думать как избавиться от прапорщика. Он что, всю оставшуюся жизнь собируется меня шантажировать?

Коробейников покосился на прапора, по-хозяйски развалившегося на переднем сиденье Волжанки. Связи у Стебелькова сильные, но если Чп происходят чуть не каждый день и прапор может, схлопотать под зад коленом. Теперь уж начальство точно озверевает. У особиста Щербицкого будет повод отказаться от своего обещания отмазать какого-то рядового Коробейникова.

Хана! Ну, сука, прапор. Подставил, теперь сам икру мечет. Я в несознанку играть не собираюсь. За три косыря дохнуть в зоне!.. Нашел идиота!.. Коробейникова снова окатила горячая волна страха. Мокрый как мышь, он выскочил из Волжанки и скрылся в будке КПП.

– Да пошел ты, старый хрен! – Рывкнул Стебельков на водилу. – Пойду и я пешком. Опять блевать потянуло! У меня на носу ревизия, а ты эквивалент, эквивалент!

Особняк Щербицкий выдернул Коробейникова к себе в кабинет сразу после обеда. Еще до того, как Александр передал для него Стебелькову штуку баксов. Это был крах. Раз уж Стебельков не успел забашлять капитана, наверняка, первым делом особняк попытается выяснить подробности отношений рядового Коробейникова и старшего кладовщика, старшего прапорщика Стебелькова. А хитрую, но, как бы, правдоподобную версию на этот счет Коробейников еще не сварганил. Пришлось сделать по военному городку большой круг, чтобы дойти от пищеблока до штаба как минимум за полчаса. И подготовиться к сражению с особняком за свою свободу.

Отдав честь, и доложившись по всей форме о прибытии по вызову, Коробейников на ватных ногах переминался у порога. Он думал лишь об одном, как бы поскорее плюхнуться на стул и начать изворачиваться, пока не забыл тонких деталей своей наспех сочиненной версии о знакомстве с прапорщиком.

Запирая обшарпанный сейф, капитан жевал чай, распространяя по кабинету приятный запах. Он не обращал внимания на присутствие в кабинете солдата. Выплюнув черную жвачку чая, капитан подошел к окну, закурил сигарету Магна и стал наблюдать. Капитан, усмехаясь в щегольские черные усики, заинтересованно наблюдал, как майор Рагозин кадрит девчушку Алю. Воспитательницу детсада, прогуливающую колонну ребятишек в сосновом бору под окнами штаба. Дети столпились вокруг майора и воспитательницы. Разинув рты детишки вслушивались в увлеченную беседу старших.

Майору явно фартило. Тело девушки делало кокетливые замысловатые ужимки. Глазки поощрительно щурились. Наконец, она стала со смехом качать отрицательно головкой и майор понял ее правильно. Майор ринулся в атаку. Он обнял Алю за талию и уже подпернул ее хрупкое тельце вверх, поближе к своим губам, чтобы влепить пламенный поцелуй... Но тут дети засмеялись, заскакали вокруг любовников как разноцветные мячики и капитан очнулся... Аля вырвалась из дерзкой охапки командира и, достав зеркала, стала наводить на личике марафет.

– Коробейников! Все что ты приготовил мне повесить на уши – оставь при себе. Дело твое рассмотрено военной прокуратурой и закрыто по причине отсутствия состава преступления. Это тебе аванс от меня. Но речь не об этом. Пойдем-ка, пройдемся по воздуху... Надо проветрить кабинет...

– Зачем? – Настороженно поинтересовался Коробейников. – Мне скрывать нечего, товарищ капитан, я могу ответить на вопросы и в кабинете. Можно и магнитофон включить для записи моих показаний...

– Вот эта спокойная наглость твоя, солдат, и навела меня на мысль поближе присмотреться к тебе. Пошли, пошли, парень. Хочешь сигарету?

– Никак нет, товарищ капитан. Свои всегда имею. Предпочитаю не одалживать. Потому никому ничего не должен.

Щербицкий глубоко вдохнул студеной воздух конца ноября. Пошевелил ноздрями, наслаждаясь слабым хвойным духом сосновой рощи.. Посмотрел на стаю воронья, клубившуюся над лесом высоко в бирюзовом безоблачном небе.

– Много ты о себе понимаешь, Коробейников. Вот этой твоей независимости и побаивается твой подельник Стебельков. У тебя напрочь отсутствует комплекс порядочного человека, комплекс подсознательной вины. Вляпался по уши в дерьмо, а ведешь себя с таким вызыва-

ющим достоинством. Мне это скорее симпатизирует. Вообще у меня на тебя виды, сам понимаешь.

– А стоит ли из меня делать стукача? Друзей у меня в роте практически нет. Как разжаловали из сержантов, так даже ребята из старослужащих набиваться в кореша перестали. Дедовщину я приветствую. Салаг надо держать в хомуте, чтоб не пиздили с голодухи у своих же. Откровенничать со мной никто не будет. Так что не знаю чем я вам могу быть полезен.

– Меня не друзья твои интересуют. Стебельков, сученок, мне нужен. И ты мне поможешь его достать.

– А что я о нем знаю? Напрасная ваша вербовка.

– Так я научу, как узнать больше. Это и в твоих интересах, Коробейников. Ты же считаешь, что Стебельков держит тебя за шестерку. В случае большого шухера он тебя первым подставит. Тебе известно, что Стебельков тянул срок, когда был еще малолеткой?

– Не знаю, но не удивляюсь. Прапарщик мужик фартовый. И не говнистый как другие прапора.

– Я сам недавно узнал. Уже одно это должно показать, что я отношусь к вам обоим очень даже терпимо. Если бы это дошло до кадровика – сторел бы Стебельков в два счета. Так что не кобенься. Надо перегибать палку. Можешь так прямо и передать своему прапору: не стоит меня загонять в угол. Кстати, тебя я отмазал совсем не потому, что на меня стал давить твой блатной дружок. У меня к тебе не только служебный, но и личный интерес. Мы должны действовать против прапорщика сообща. Для тебя, дорогой мой, Коробейников, Стебельков еще опаснее чем для меня. Не думай, что я поверил, будто сержанта Валеру из ревности убил не ты. Пьяный ты впадаешь в отключку. Я-то это знаю. И не переоценивай роль Стебелькова в своей судьбе.

– Я догадывался. Стебельков любит блефовать. Но шантажирует он классно. В этом, мне кажется, вы, товарищ капитан, недооцениваете прапорщика. Лучше бы вам приставить к прапорщику кого другого, поопытнее меня.

– Отказываешься от сотрудничества? – Удивился капитан. – После всего что я тебе рассказал!? Ну ты даешь, Коробейников! Ну ты и дурак!

– Так нечем мне помочь вам, товарищ капитан. – Прикинулся Коробейников казанским сиротой.

– Вообще-то, вы мне намозолили оба. Я знаю о твоих делишках достаточно, чтобы подобрать для тебя лично статейку в Уголовном Кодексе лет эдак на пять-шесть строгача.

– Запугиваете, товарищ капитан? На кой вам стукач из-под палки? Это же дело добровольное, его любить надо

– Да что ты все бухтишь: стукач, стукач!? Я сделаю из тебя классного специалиста, настоящего сексота контрразведки. Причем платного секретного сотрудника военной контрразведки. Пойдешь учиться. Мы тебе поможем сделать командирскую карьеру. К сорока годам станешь генералом. Контрразведка очень порядочная служба. Мы своих людей бережем, не то что менты или госбезопасность. Но это потом. Сначала докажи преданность лично мне. А платят у нас отлично.

– Даже не знаю как быть. Хотел выпутаться, а получается только больше запутываюсь. Какой из меня сексот. Вон вы мокруху на меня уже навешали. Может, не надо меня вербовать.

– А ты молоток, Коробейников! – Капитан взял солдата под руку и подстроился под его широкий шаг. – Ты мне нравишься. Твое вранье так легко спутать с чистосердечным признанием. И рожа у тебя такая честная при этом. Ты прямо гипнотизируешь своей мужественной честностью. Так и хочется тебе посочувствовать. Ты бес искуситель, Коробейников. Это же для сексота – бесценный дар. Ты талант! Соглашайся! Бля буду, напару мы сделаем этого блатаря Стебелькова.

– Вы хотите моими руками завалить прапора?

– Нет! Я хочу, чтобы ты сам себе помог. Когда-нибудь ты скажешь мне спасибо...

– Ну, если у меня нет выхода, я должен подумать.

– Да, да! А как же, посоветуйся, посоветуйся с прапором. Правда, пока не пройдешь испытательный срок, платить я тебе не буду. Да твои друзья говорят, что ты всегда при бабках. Не будем пока доить госказну. Лады?

– Так Стебельков не дурак. Он же сразу меня расколлет.

– Чудо в перьях. Так ты же будешь двойником. Думаешь не понимаю, что Стебельков знает зачем я тебя вызвал? Он наверняка тебя накачал, что говорить мне и как говорить. И стучать на себя разрешил. Это же в порядке вещей. Так что придется тебе стучать в оба конца. Я уже сказал, что научу как это делается. Главное – будь лаконичен. Чтобы не завраться, лучше не договорить, что знаешь, чем наплесть кучу небылиц о том, Чего, по сути, – толком не знаешь. Нет, Коробейников, я тащусь! Ты так естественно разыгрываешь глубокое раздумье над моим предложением, словно не мечтаешь пойти на службу хоть к дьяволу, лишь бы избавиться от Стебелькова.

– Как хотите, товарищ капитан.

– О, прохиндей! До конца торгуется, похлеще чем чурки на базаре. Ладно! Буду еще откровеннее. Стебельков своим хамским поведением заставил меня обезопасить свою задницу. Я провел разведку боем. У нас среди блатных оружейников достаточно стукачей. Теперь я знаю даже кто покупает у Стебелькова патроны и взрывчатку. Теперь согласен?

– Заметано, товарищ капитан.

– НО ГЛЯДИ. Проговоришься о том, что я знаю о Стебелькове, – несчастный случай с летальным исходом эта братва тебе обеспечит. А ты, я думаю, уже считаешь дни до дембеля. И последнее. Честно тебе советую, не предавай меня лично. Тут я не остановлюсь ни перед чем. Сам не пристрелю, сгною в тюрьге. Такова жизнь.

До Нового Года капитан Щербицкий для стука не вызвал Коробейникова ни разу. Зато Стебельков оборзел совсем. Он словно задирает особняка своей дурацкой активностью. А ведь они оба ходили по острию бритвы, поскольку были непримиримыми врагами, вынужденными невольно уважать тайны друг друга.

Чтобы облегчить Щербицкому слежку за собой, Стебельков почти каждые выходные в городе устраивал пьянку с участием Коробейникова. И почти каждый раз у новых баб. Благо сачковать Коробейников теперь мог сколько влезет. Теперь это он мог себе позволить.

Стараниями Стебелькова Коробейникову вернули лычку ефрейтора и перевели служить почтарем. В городе Коробейников бывал каждый день. Возил туда обратно почту и посылки. Их было два почтаря. Работенка не пыльная. Это не в наряд ходить. Ничего не стоило на сутки, а то и двое подменить друг друга и гуляй – не хочу. Обмундирование спрятал у девки, надел гражданский лепень, отутюженные шкары путяные натянул и отвалил хоть в кабак, хоть в кино, хоть на дискотеку.

На этих попойках Александр встречал уйму новых мужиков и девок. Жаль Стебельков запретил знакомиться с телками на дискотеке, чтобы не нарваться на подсадную уточку. А то был бы воше полный люкс.

Появлялись на блядках и кавказцы, но капитан Щербицкий ни разу не поинтересовался контингентом попок. Да и Стебельков не давал про гулянки дезинформации для капитана.

Коробейникову это казалось странным. Значит, для обоих хозяев это были мелочи. Александр все больше убеждался, что находится между двух совершенно не предсказуемых прохвостов, чьи интересы схлестнулись где-то высоко над их головой. Конечно же, они сами были марионетками? Но ушлыми марионетками. И Щербицкий, и прапорщик Стебельков максимально использовали путаные игры своего начальства в личных целях. Обоим было наплевать на переживания своего подчиненного, на стукача Коробейникова, больше месяца остающегося в полной неизвестности, наедине со своими страхами. Ясное дело, чтобы обрести уверенность в своем будущем после увольнения из армии, избавляться следовало от обоих хозяев. И при

том – до дембеля. Но как это сделать? Гибель одного из хозяев немедленно насторожит другого и он начнет действовать на опережение.

Десятки вариантов устранения свидетелей его позора перелопатил Александр. Он не любил силовых кинофильмов. Он обожал мексиканские сериалы. После этих мыльных опер в сон солдата приходили такие шикарные борухи, что он кончал в трусы по два три раза за ночь. И это были радостные поллюции. Не то что оргазм вымученный блядьми Стебелькова.

Теперь Коробейников в солдатском клубе не пропускал ни одного детектива, ни одного триллера. То же самое он делал и в городском кино Никодимова. Иные боевики он прямо-таки изучал, просматривая по несколько сеансов подряд, надеясь выудить с экрана подходящий сценарий покушения для своего личного случая.

Кроме того, Коробейников запоем читал детективные книжки Чейза, Сименона и Пьюзо. Не обходил вниманием и советских авторов, натужно восхвалявших героические будни ментов. Просматривал в читальне криминальную хронику в газетах.

И все бес толку. Американские детективы вообще не годились как руководство у действию для русского парня попавшего в руки проходимцев. Там сыщик умудрялся заставлять своих врагов играть по его книжным правилам. Голливудские убийцы, теперь как заводные куклы просто врывались в ресторан, выстраивались в шеренгу и крошили из автоматов всех подряд по самому верному правилу расправы: чем больше трупов, тем вернее сам останешься цел.

Какой там ресторан! Леса кругом непроходимые, но попробуй заставь Стебелькова или Щербицкого зайти в лес поглуше. Попробуй замани их в темный переулок Никодимова, да так чтобы у тебя на это время было железное алиби. Это ж надо, чтобы вся казарма поклялась, мол видела тебя в час расплаты своими глазами в койке...

Разве что раздобыть каких-нибудь отравляющих таблеток для Стебелькова... Приносит же Усманов в казарму разные "колеса"?... Тоже не годится, начнутся расспросы, зачем, для кого. Вот тебе и третий свидетель...

А время шло. И быстро шло. И оставалась угроза, что под колпаком Стебелькова с Щербицким можно не дотянуть до дембеля живым. А очень хотелось жить. И хорошо жить. Да не просто хорошо жить, а на Воле-Вольной жить и со вкусом потратить поднакопленные деньжата.. Без страха, что в любой момент придет дядя-прокурор и перекроет тебе кислород Воли-Вольной на много лет вперед. Ладно быдох он в казарме без культурных мероприятий, без вина и женщин и успел забыть какая сладкая за воинской колючей оградой Свобода.

Новый год ефрейтор Коробейников встречал с прапорщиком Стебельковым у новой его подруги. У Антонины Загорянской. Она была замужней. Мужик ее, Вадим Абрамович Загорянский, танкист подполковник из соседнего гарнизона, только что уволился на гражданку по сокращению штатов.

Загорянский снял в Никодимове частный купеческий особняк дореволюционной постройки. С пятью комнатами, двумя выходами, кухней и дворницкой в полуподвальном цокольном этаже. Снял временно, "до получения квартиры". Неизвестно, по мнению Коробейникова, на какие шиши. Пенсия меньше тысячи, Тонька – безработная парикмахерша. Да не будет она доживать свой бабий век в Никодимовских трущобах. Дети их давно переправлены в Питер, и сама она вскоре окажется там... Даже если придется бортануть подполковника...

Ну, а пока служил Загорянский снабженцем на почтовом ящике. Часто выезжал на спецмашинах в командировку Дагестан, Ингушетию. И чурки были у него частыми гостями. И никого это не колыхало. Военный завод вот уже четыре года выпускал по сомнительной лицензии поддельную водку из кавказского спирта. Вместо первоклассных артиллерийских стволов для дальнбойных орудий особой мощности.

Само собой, дома бывал подполковник в отставке не часто. Что позволяло Антонине вести свободный образ жизни без опасений ревности со стороны мужа-бродяги. И на Новый

Год не появился Загорянский из командировки. Чем еще больше заинтересовал Коробейникова, активно входившего во вкус сексотской двойной жизни. Пусть пока внештатником, понтырой у капитана Щербицкого, но с большой перспективой при желании стать профессиональным контрразведчиком. Приятная мечта, для молодого симпатичного человека, без труда входящего в особо доверительные отношения со всеми женщинами бойкого характера. В диапазоне – от пятнадцати лет до сорока. Можно и с хвостиком. А если проще сказать: дамочками, кто умеет без семейных сцен и конфетку съесть и ... "на одно очень привлекательное у мужчин место сесть". Хохмочка.

Еще кремлевские куранты не пробили начала 1998 года, а перепившийся Стебельков вдруг позеленел и сполз со стула. Он скорчился на ковре во внутриутробной позе человеческого плода, изготовившегося вырваться из теснот материнского чрева. Дернулся раз, другой. Вытянулся страдальчески во весь свой не богатырский росточек и затих.

– Саша, посмотрите, что с ним, – пренебрежительно произнесла красавица Тоня.

Александр пощупал у Стебелькова пульс на руке, потом на шее. Приложился ухом к костлявой впалой груди.

– Да он скопытился, – заговорщески прошептал Коробейников.

Коробейников еще не решил, – радоваться смерти своего мучителя и дернуть по этому поводу бокал шампанского... Или сыграть на трагической ноте роль друга, потрясенного несвоевременной смертью друга прямо у дамы в гостях.

– Умер? – Тонька поставила на стол измазанный губной помадой фужер с Цимлянским игривым и осмотрела задумчиво свои длинные, отполированные ногти, покрытые темно-вишневым лаком.

– Стебельков умер? Честно? Подумать только. Как это не похоже на Толика. Эти негодяи всегда кажутся мне бессмертными. Какая, прости меня Господи, морока! Придется вызывать неотложку.

– Тоня, Милицию надо сначала вызывать, а не скорую помощь. – По-прежнему шепотом говорил возбужденный Коробейников.

– Мне, Саша, милиция глубоко противопоказана.

– Да и мне нельзя светиться. Все-таки я на срочной службе. Можно загреметь под трибунал! – Откашлявшись заговорил Александр громко и быстро.

– Ну и что? Ты же мужчина, все-таки, Александр, придумай что-нибудь стоящее.

– Спрятать? Но куда!

– Боже! Как мой мальчик переполошился! Ну как может женщина положиться на мужчину! Маразм! Любовничек называется! Он прежде всего думает о собственной шкуре! Тряпка!

– Но Стебельков под колпаком у особистов! – Набычась от оскорбления напомнил Коробейников. – Его сразу хватятся!

– Ну и пусть! Воще, мой дорогой, мы даже неотложку не будем беспокоить. Успокойся, и одевайся!

Задумавшись, Тонька подошла к высокому окну, осторожно отвернула край бархатной малиновой шторы.

– Как красиво! Посмотри, Саша! Ты только посмотри какая прелесть! На улице идет сильный снег. Какие крупные снежинки. Напротив двухэтажный дом. За домом овраг. Есть мостик а через снежное поле тропинка в деревню Кугутино. Это хорошо. Широкое поле. Я вовсе не боюсь снега... Ах, Сашенька, голубчик. Во мне умерла поэтесса. Честно вам говорю.

– Это не смертельно, Тоня. – Коробейников нарочито бесцеремонно прервал бухтение женщины. – Что будем делать с реальным мертвецом?

– Ты можешь вынести труп на улицу? Можно сказать Стебельков был выпивши, шел к нам или от нас в деревню Кугутино... Оступился, свалился в овраг и замерз... Разве такое не возможно?

Антонина с первого взгляда восхитила Коробейникова своей подержанной но несомненной красотой. Теперь он был очарован ее спокойствием, умом и неженской рассудительностью. Он сразу дал ее плану высший бал. Он принимал план женщины по избавлению от трупа прапорщика – без-ого-во-рочно!

– Тоня, само собой! Стебельков замерз! Сейчас посмотрю нет ли прохожих на улице...

– Я помогу тебе.

Антонина порывисто двинулась к вешалке...

– Да я один оттащу мертвеца. Тут недалеко до мостика. Там даже нет части перил. Дать человеку ничего не стоило скovyрнуться с мостика! Сейчас выгляну на улицу и поташу нашего приятеля в последний путь!

– Саша. Вы прелесть. Вы еще можете шутить! И все же вы посидите немного рядом с трупом. Прошу вас. Посидите! Я не могу оставаться один на один с покойником. Честно! Я боюсь покойников и воров. Говорят, когда умирает негодяй – слетаются демоны Ада. А когда врываются в дом воры, за ними приходит смерть. Честно! Я сама выгляну на улицу...

Едва Тонька выскользнула из гостиной, Коробейников схватил подушечку, которую Тонька подкладывала под задницу, чтобы казаться за столом повыше ростом, бросил ее на открытый рот прапорщика и прижал для верности ногой.

В овраге снегу было достаточно, чтобы скрыть мертвеца с головой. Труп Стебелькова завтра найдут не сразу. Справил, называется, Новый Год! ... Хотя? Если Щербицкий продолжает слежку за нами, он мог и проследить куда мы слиняли из части.

Сомнения в благополучном исходе затеи Тоньки были основательные. Следовало подстраховаться. Коробейников решил все же сначала в темпе трахнуть Тоньку, пока нет подполковника, а когда она размякнет от любви, уговорить ее не выдавать его. И ей полезнее держаться версии, что, ожидая мужа, она, как верная жена, просидела всю новогоднюю ночь в полном одиночестве. Одной отбрехаться всегда легче. Должна же понимать, – двоих менты легко запутают на нестыковке показаний. Да, если что еще и групповуху припишут, а это лишних несколько черпаков каждому... Ничего, Тонька и одна перебьется. И чего она так боится ментов. Дело чистое. Ну шел пьяный прапорщик к своей бабе в гости, да не дошел.

Коробейников и Загорянская встретили Новый Год, хорошо выпили и закусили. Начали танцевать, но бивень Александра торчал так безобразно, так нахально напоминал что мужчина и женщина занялись вовсе не тем, чем нужно... Танцы всегда успеются...

Александр поцеловал томную красавицу в плечо. Тонька замурлыкала. Потом в шею. Тонька жеманно ахнула. Потом засосал ее маленькие суховатые губенки... Тут Красотка ничего более не сказала и пошла в спальню разбирать широкую как снежное поле двуспальную супружескую кровать.

– Сашок, выключи свет в гостиной. И не забудь принять горячий душ.

– Но у меня все кипит! Как бы не перегорело!

– Потерпи, родной. Я на всю ночь твоя. Теперь только твоя. Мне так противно было принимать у себя этого неотесанного Стебелькова... Ты не ревнуешь, голубчик?

Какая ревность! До ревности ли ефрейтору. Он уже приступил к осуществлению плана спасения своей шкуры! Он разыграет план как по нотам! Молодящаяся сучка будет визжать в отпаде! Она просто не посмеет заложить такого неукротимого пахаря!..

А в дверь еже дубасили чем-то очень тяжелым. Сначала чуть слышно, потом все яростнее. Александр успел только пуговицы расстегнуть на рубашке. Он сбежал по ледяной лестнице к парадной двери, готовый пасть порвать любому, кто попытается испортить ему так складно начавшееся любовное приключение. Даже если это явился законный супруг...

Коробейников распахнул дверь. На него сразу навалился Стебельков с дубиной в руках. Он был весь в снегу. В сосульках. Без дубленки, но в шапке. Как он нашел в сугробе свою пыжиковую шапку, вот все что смогло удивить Коробейникова в первую минуту невероятного потрясения. Он так был увлечен гоном соей похоти, что запрев дверь, не выслушав о чем бормочет, стуча зубами. оледеневший прапор, помчался на второй этаж в спальню.

Он опомнился лишь на середине лестнице. Сел на ступеньку и стукнул себя кулаком по лобешнику.

– О! Ё -моё! Приперся... – Засмеялся в нервном ознобе Коробейников. – А дубленка-то твоя, Кондратыч, висит на вешалке. Вот бы залетела Тонька с такой клевай уликкой, вот бы залетела...

– С-с-у-ки! З-за-ч-Ч-ем меня выпустили на улицу. Н-не в-видите я перебрал? -

Стебельков швырнул в Александра своей дубиной. Она не долетела до цели и с грохотом скатилась с лестницы обратно, ударив Стебелькова по дрожащим ногам. Прапорщик упал, раскрыв рожу о дверную ручку и заплакал красными слезами.

На шум явилась любопытствовать Тонька. Вот сучка, успела переодеться в свое роскошное кимоно. Тонька радостно всплеснула руками.

– Толичка! Бедняжка! Вернулся! А мы думали ты обиделся и поехал в часть. Мы ждем тебя, ждем...

– Вот из-за вас всю физию расквасил, как теперь на работу ходить буду?

– Да мы тебя сейчас вылечим! Положим в горячую ванну, массажик сделаем...

– Да пошла ты со своей ванной в ...! Еще ни она сволочь не била меня в кровь. Солдаты будут ржать. Прапору харю надраили!.. У, суки, зачем из дому отпустили... Тонька, паскуда! Трахаетесь тут, гады, а я чуть коньки не отбросил. Ищу, ищу, едва нашел твой дворец. Иди поднимай меня теперь...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.